

ИНСТИТУТ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ КАВКАЗА

Олег Кузнецов

**Центральный Кавказ:
ретроспектива столкновения цивилизаций**

Издательский дом CA&CC Press®
Стокгольм
2013

Олег Кузнецов. Центральный Кавказ: ретроспектива столкновения цивилизаций (сборник статей). Стокгольм, издательский дом CA&CC Press®, 2013 год, 120 стр.

ISBN 978-91-86545-08-6

В представленных статьях предпринята попытка анализа эволюции политики и действий России на Кавказе в последней трети XVIII – начале XX столетия, дается новая геополитическая оценка Гюлистанскому договору и на основе теории С. Хантингтона раскрывается культурологическая суть конфликта вокруг Нагорного Карабаха.

© **Институт стратегических исследований
Кавказа (Баку, Азербайджан), 2013**
© **Издательский дом CA&CC Press®, 2013**

Оглавление

<i>Предисловие</i>	4
<i>Эволюция геополитических интересов и приоритетов России в Закавказье</i>	9
<i>Гюлистанский договор: 200 лет спустя (Опыт исторического осмысления событий русско-персидской войны 1804-1813 годов и содержания Гюлистанского договора в контексте его 200-летия)</i>	39
<i>Нагорно-карабахский конфликт: «столкновение цивилизаций»? Как теория Самюэля Хантингтона объясняет культурологическую суть конфликта вокруг Нагорного Карабаха</i>	86

Предисловие

Предваряя сборник статей, ранее опубликованных в журнале «Кавказ и глобализация», посвященных проблематике соприкосновения, взаимодействия и конфликта различных цивилизаций, ареной или шахматной доской для которых в силу своего географического положения и волей судеб стал Центральный Кавказ (Закавказье), следует сказать, что собранные под одной обложкой публикации не претендуют на полноценный или системный анализ всей совокупности процессов межцивилизационных коммуникаций и антагонизмов, наличием которых изобилует история региона. Их содержание является отражением субъективной точки зрения автора на отдельные аспекты истории существования и противоборства цивилизаций, государств, культур и религий, происходивших в последней трети XVIII – начале XX вв. по обе стороны Большого Кавказского хребта.

Статьи отражают «взгляд с Севера» на отдельные события и аспекты истории Центрального Кавказа, который может быть не понят и не принят однозначно некоторыми представителями современной исторической науки. Тем не менее, хотелось бы надеяться, что они расширят палитру взглядов и диапазон мнений по целому ряду ключевых вопросов истории стран центрально-кавказского региона, позволят моим коллегам по цеху, опирающимся в своем ин-

---

теллектуальном поиске на совершенно иные цивилизационные ценности и нравственные доминанты, понять и оценить известную всем нам логику исторического процесса с несвойственной их мировоззрению позиции. Каждая из трех статей сборника, посвящена анализу логики внешней политики и действий Российской империи и ее исторических правопреемников на южном, конкретно на кавказском направлении, исходя из тех интеллектуальных ценностей и доминант, которые типологически свойственны современной России. Как представляется, нам удалось уйти от монохромных оценочных характеристик содержания каждой из затронутой исторической или политологической темы и поднять ее до уровня цивилизационного анализа существующей в ее рамках проблематики. Мы не претендуем на истину в последней инстанции при дискутировании каждой из рассмотренных проблем научного поиска и осознания и стремимся лишь дать импульс для начала нового диалога представителям гуманитарных наук, исследующих социально-политические процессы на Центральном Кавказе. История человечества, как известно, не знает сослагательного наклонения, она есть только такая, какая есть, и никакой другой ее быть не может. Но она дает шанс понять, почему случилось то или иное событие, и как избежать в будущем повторения уже один раз разыгранного негативного сценария. А в этом-то как раз и состоит цивилизационная миссия исторической науки.

Сборник открывает статья «Эволюция геополитических интересов и приоритетов России в Закавказье», которая впервые была опубликована в журнале «Кавказ и глобализация» в 2012 году. В ней предпринята попытка объяснить логику российской экспансии на Кавказ в последней трети XVIII – начале XX столетия, которая не вполне адекватно воспринимается сегодня некоторыми азербайджанскими,

---

армянскими, грузинскими и российскими историками. В условиях глобального российско-османского противостояния, являвшегося на протяжении XVIII и XIX столетий главным содержанием внешней политики двух ведущих империй, Кавказ для каждой из них был лишь второстепенным театром военных действий, призванным оттянуть на себя часть сил с главного театра военных действий – сначала в Северном Причерноморье, а затем – на Балканах или отвлечь часть сил противника, чтобы не допустить их переброски в Юго-Восточную Европу.

Центральное место в сборнике занимает статья «Гюлистанский договор: 200 лет спустя (Опыт исторического осмысления событий русско-персидской войны 1804-1813 годов и содержания Гюлистанского договора в контексте его 200-летия)», содержание которой имеет непосредственное отношение к осмыслению исторических истоков современной азербайджанской государственности и соответствующей ей национально-политической идентичности общества. Несмотря на свою принципиальную значимость для исторической судьбы азербайджанского народа в контексте мировой истории Гюлистанский договор 1813 года является лишь частным фактом, юридически зафиксировавшим промежуточный результат борьбы ведущих стран мира за геополитическое господство, местом очередного вооруженного столкновения которых стал Центральный Кавказ. Сегодня мы вполне объективно и достоверно можем говорить о том, что русско-персидская война 1804–1813 гг. являлась закономерным продолжением и следствием процессов и тенденций европейской геополитики начала XIX столетия, причем ее питательной средой была колониальная политика Великобритании, которую она проводила на Индостане и в отношении сопредельных с ним государств Центральной Азии.

В той войне ведущие игроки того времени разыгрывали в регионе, на территории современного Азербайджана, новую геополитическую партию, пренебрегая интересами и предпочтениями местного населения.

Завершает сборник статья «Нагорно-карабахский конфликт: «столкновение цивилизаций»? Как теория Самюэля Хантингтона объясняет культурологическую суть конфликта вокруг Нагорного Карабаха», в которой предпринята попытка на основании цивилизационного историко-культурологического подхода объяснить взгляд автора на глубинные социально-психологические причины армяно-азербайджанского противостояния из-за оккупированных армянской стороной земель Азербайджана – Нагорного Карабаха и семи прилегающих к нему районов. Теоретический базис статьи составила политологическая модель «столкновения цивилизаций», разработанная в 1990-е гг. выдающимся американским экспертом в области управления межнациональными и межконфессиональными отношениями Самюэля Филлипса Хантингтона, ставшая своего рода «новым Евангелием» политологии эпохи постмодерна. В соответствии с канонами этой теории нагорно-карабахский конфликт анализируется как наиболее трудноразрешимый среди иных конфликтов современности, поскольку «линия разлома» между противоборствующими сторонами проходит сразу в нескольких плоскостях – территориальной, религиозной, национальной, культурологической и даже расовой, а поэтому его разрешение мирными средствами в условиях продолжающейся более 20 лет оккупации значительной части земель Азербайджана представляется все менее реалистичным.

Хотелось бы надеяться, что представленные в сборнике статьи позволят найти ответы на вопросы об отношении российской стороны в прошлом и настоящем к историче-

---

ским и политическим судьбам стран и народов Центрального Кавказа. XXI век диктует нашим народам насущную необходимость сближения если не культур, то способов и средств миропонимания, на основе чего в ближайшей перспективе должно строиться наше дальнейшее сотрудничество.

Автор выражает свою благодарность руководству Института стратегических исследований Кавказа и редакции журнала социально-экономических и политических исследований «Кавказ и глобализация» за предоставленную ему возможность донести до читателей свою точку зрения на актуальные вопросы прошлого и настоящего Центрального Кавказа.

*Олег Юрьевич Кузнецов,
кандидат исторических наук,
проректор по научной работе Высшей школы
социально-управленческого консалтинга (институт)
(Москва, Российская Федерация)*

Эволюция геополитических интересов и приоритетов России в Закавказье

Начнем с нескольких принципиальных, на наш взгляд, оговорок.

Во-первых, здесь и далее термином «Россия» мы будем именовать обобщенную совокупность государственных образований, существовавших в разные периоды времени как на территории современной Российской Федерации, так и на иных территориях, входивших до 1 февраля 1918 года в состав Российского государства. Иными словами, данный термин используется нами исключительно с политологической, но не государственно-правовой точки зрения, как более удобное обозначение того мирового или континентально-евразийского центра силы и геополитического влияния, каковым сегодня является Российская Федерация и какими были предшествующие ей государственно-политические образования – Союз ССР и Российская империя.

Вполне очевидно, что между этими государствами, несмотря на всю разницу и противоречие господствовавших в них в разное время государственных идеологий, на протяжении более двух столетий прослеживается стратегическая преемственность геополитических интересов, приоритетов и амбиций, и в этом смысле современная Российская Фе-

дерация является полноценной наследницей и Советского Союза, и Российской империи. Но это и неудивительно, поскольку логика сохранения внешней стабильности для столь масштабного государства, каким является Россия, диктует обязательную преемственность внешнеполитического курса – изменение его (равно как и геополитических приоритетов) сегодня если и возможно, то лишь эволюционным путем, с учетом стратегических интересов стран-соседей.

Во-вторых, термином «Закавказье» мы будем именовать совокупность территорий современного Центрального и Южного Кавказа (в методологии, предложенной Э.Р.Исмаиловым), ранее входивших в состав Российской империи, к числу которых относятся как территории суверенных государств Азербайджана, Армении и Грузии, так и частично признанных государств Абхазии и Южной Осетии, самопровозглашенной «Нагорно-Карабахской Республики», а также исторические области Артвина и Карса, вновь отошедшие к Турецкой Республике в результате ее Войны за независимость 1919–1923 годов. В этом смысле термин «Закавказье» также имеет исключительно политологический, а не регионоведческий контекст и используется нами как совокупное обозначение территорий Центрального и Южного Кавказа, синонимичное принятому у современных азербайджанских и грузинских политологов¹. Поэтому для политологических оценок мы будем использовать термин «Закавказье», а для рассмотрения вопросов регионалистики – соответственно «Центральный Кавказ» и «Южный Кавказ».

---

¹ См.: *Исмаилов Э., Папава В.* Центральный Кавказ: история, политика, экономика. М.: Мысль, 2007

Претензии России на геополитическую гегемонию в «славянской» Европе

Регион Закавказья, включающий в себя территории Центрального и Южного Кавказа, является наглядным примером возможности не только трансформационных изменений вектора российских геополитических интересов в этой части мира, но и поэтапной практической эволюции содержания реальной внешней политики России. По существу, сегодня мы можем говорить, что Россия завершает стремительную с точки зрения истории мировой цивилизации и дипломатии, но неспешную, с точки зрения обывателя, смену полярности своих приоритетов в Закавказском регионе. В свою очередь, это объективно требовало и требует от российского политического истеблишмента не только преодолеть существовавшие на протяжении веков идеологические стереотипы, но и сформулировать взамен их принципиально новые политико-идеологические императивы, обнародование которых, правда, откладывается на неопределенное время в силу неготовности к этому как российского общества, так и международного сообщества в целом. Поэтому мы можем только предполагать наличие подобного «сдвига парадигмы» в процессе переосмысления внешнеполитических приоритетов России на пространстве Центрального и Южного Кавказа, приводя в пользу своей точки зрения определенные фактологические и логические аргументы.

Претензии России на весь регион Кавказа, и Закавказье в частности, оформились в идеологическом и военно-политическом плане в последней четверти XVIII столетия. В это время в системе внешнеполитических устремлений Российской империи стал доминировать так называемый «греческий проект», разработанный канцлером графом

А.А.Безбородко по поручению императрицы Екатерины II². Масштабный «греческий проект» предполагал два направления реализации – военно-стратегическое и идеологическое. В совокупности оба они на многие десятилетия и даже столетия предопределили вектор «южного направления» российской внешней политики, в которой Южному Кавказу отводилась существенная, хотя и не первостепенная роль.

Присоединение Крымского полуострова и всех континентальных территорий Крымского ханства в Северном Причерноморье к России, окончательно завершившееся в 1783 году, не только обеспечило стратегическую безопасность южных границ империи фактом выхода к естественным рубежам – Черному морю и Днестру, но и стало началом осуществления далекоидущих замыслов Екатерины II. К этому времени у российской императрицы было уже два внука – Александр и Константин Павловичи, первого из которых она, в обход династических прав своего сына – великого князя Павла Петровича, готовила к российскому престолу, а второму прочила греческий королевский престол, хотя территорией Греции тогда владела Османская империя. Даже само имя Константин было дано ему неслучайно, – так звался последний император из рода Палеологов, на дочери которого был женат великий князь Московский Иван III. Кормилицей Константина Павловича была гречанка Елена, научившая его свободно говорить по-гречески. В это время при дворе Екатерины II появляется и целенаправленно распространяется мода на греческую культуру, в переписке императрицы с Вольтером обсуждается вопрос о возрождении в странах Европы греческой культуры и возможности восстановления греческого государства со сто-

---

² См.: *Парсамов В.С.* История России: XVIII – начало XX в. М.: Академия, 2007. С. 156.

лицей именно в Константинополе (Стамбуле), в том числе и вооруженным путем при непосредственном участии российской армии и флота³. В «славяно-православной» Реконкисте – отвоевании Балканского полуострова у Османской империи и восстановлении существовавшей там прежде Византии, или Восточной Римской империи, но уже следующей в фарватере российской внешней политики, и заключалось военно-стратегическое направление столь любезного сердцу императрицы «греческого проекта».

Столь полномасштабная военно-политическая экспансия России на Юг (опять же в политологическом контексте этого термина) объективно требовала идеологического обоснования и обеспечения, причем в глазах не столько европейской общественности, сколько самого российского общества, не желавшего продолжения и тем более эскалации российско-османского вооруженного противостояния после того, как присоединение Крымского ханства уже обеспечило безопасность южных границ России. Для этих целей была задействована сформулированная еще в XVI веке политико-религиозная концепция правопреемства Византийской и Российской империй, более известная под названием «Москва – Третий Рим» (имеется в виду последовательная смена центров сначала общехристианской, а затем – православной цивилизации: Рим – Константинополь – Москва). Проводником этой идеи в сознание всех слоев и сословий российского общества стала Русская Православная Цер-

---

³ См.: *Мирзеханов В.С.* Идеология и дипломатия России в эпоху Екатерины II: историография последних десятилетий. В кн.: Исторические, культурные и экономические связи между Турцией и Россией: Материалы международного симпозиума, Стамбул, 5 апреля 2012 г. / Сост. О.Ю.Кузнецов. М.: Турецко-русский культурный центр, 2012. С. 34.

ковь, объективно выполнявшая в то время социально-политическую функцию средств массовой информации. Таким образом, в геополитический «греческий проект» помимо военно-стратегической составляющей его авторами было вложено еще несколько культурных и политических смыслов.

Прежде всего с восстановлением Константинополя как православного государственного и духовного центра связывалась идея религиозного реванша: «исконная» православная столица должна была быть отвоевана у «неверных» и восстанавлена в своем прежнем религиозно-культурном или цивилизационном значении. Кроме того, движение России на Юг, освоение «дикого», с точки зрения европейской ментальности, причерноморского пространства мыслилось как наступление «цивилизации» на «варварство». В этом вопросе Екатерина II выступала одновременно и как прямая продолжательница дела первого российского императора Петра I, и как соперница его в политической истории России. Если Петр I, по общему мнению представителей просвещенной части российского общества того времени, толкал «варварскую» Россию навстречу цивилизованному Западу, то Екатерина II во главе уже «цивилизованной» России двигалась на «варварский» Восток и Юг, неся туда идею культурного прогресса⁴. По сути, в последней четверти XVIII столетия при императрице Екатерине II Россия явилась инициатором очередного, уже десятого или одиннадцатого по счету, «крестового похода» европейцев против мусульман Передней Азии и Ближнего Востока – но на этот раз уже не под католическими, а под сугубо православными лозунгами и хоругвями.

---

⁴ См.: *Виноградов В.Н.* Двуглавый российский орел на Балканах. 1683–1914. М.: Индрик, 2010. С. 78–79.

В «классической» российской исторической науке существует представление, что «греческий проект» графа А.А.Безбородко был всего лишь очередной пропагандистско-идеологической уловкой Екатерины II, предназначенной, так сказать, «для внешнего употребления». На деле же речь шла лишь о том, чтобы, прикрываясь благородной идеей, отрезать вооруженной рукой от Османской империи по-больше сопредельных территорий. Но вряд ли такое представление адекватно реалиям и ментальности того времени. Императрица вынашивала более грандиозный замысел политического, социального и культурного преобразования пространства на оси «Север – Юг». Суть его заключалась в том, что Византия, как наследница греческой культуры, принесла истинную веру и просвещение на Русь, правопреемницей которой в государственном и религиозном отношении и считалась Российская империя. Таким образом, Россией от Византии была подхвачена эстафета культурных и религиозных ценностей, сохраненных и приумноженных Россией на протяжении веков, в то время как сама Византия пала под напором тюрок-сельджуков и османов. Россия, сохранившая и приумножившая духовные ценности православной государственности, полученные от Византии, в том числе и в результате династического брака (что было типичным для того времени юридическим и идеологическим обоснованием государственно-правовой и религиозно-культурной преемственности двух стран), теперь готова вернуть ей долг путем восстановления независимого греческого государства. Константинополь же, по мнению Екатерины II и канцлера А.А.Безбородко, должен был стать, как и прежде, центром православия, преемницей и хранительницей которого на протяжении трех столетий являлась Россия, и классической культуры. А это, в свою очередь, меняло и вектор

развития российской цивилизации: теперь он был направлен не на северо-запад, как при Петре I, а на юг. Следовательно, туда же перемещался и центр геополитических интересов России.

Идея государственно-религиозного мессианства в XVIII веке в равной степени была свойственна как православным славянам, этническое ядро которых составляли русские, так и представителям многочисленных тюркских народов, исповедовавших ислам и населявших Османскую империю, государствообразующим этносом которой считались османы. Религиозная жизнь и в России, и в Османской империи XVIII столетия была полностью секуляризирована, то есть подчинена в административном плане государству. Де-юре в то время в России самостоятельной (автокефальной) Русской Православной Церкви не существовало, поскольку с 1716 года она считалась государственным ведомством (Святейший Правительствующий Синод) или особым Духовным ведомством (приказом), а ее главой являлся не патриарх (в сегодняшних реалиях), а император, сочетавший в своем лице высшую светскую (административно-государственную) и духовную (церковно-религиозную) власть, что в терминологии исторической науки получило название «абсолютизма». Поэтому в России имперского периода любая идеологическая церковно-религиозная доктрина автоматически становилась контекстом внешней политики. В Османской империи также султан одновременно являлся и халифом – духовным главой всех правоверных мусульман, независимо от места их проживания. По сути, в своем государственно-политическом устройстве Россия и Османская империя в последней четверти XVIII века практически ничем не различались между собой (обе были «классическими» абсолютными монархиями). При этом Россия стреми-

лась к геополитической гегемонии в славяно-православной, а Османская империя – в арабско-тюрко-исламской ойкумене, причем их претензии на верховенство распространялись отнюдь не на одну только духовную сферу.

Православные христиане еще со времен Византии проживали в ряде областей Юго-Восточной Европы – на территории современных Молдавии, Болгарии, Румынии, Греции, Македонии, Сербии и других стран, входивших тогда в состав Османской империи под собственными, несколько иными, по сравнению с современными, названиями, и подчинялись в духовном отношении константинопольскому патриарху, а не российскому Синоду. Мусульмане традиционно проживали в регионах Среднего и Нижнего Поволжья и Северного Кавказа, входивших в состав России, а потому османские власти, исходя из собственного политико-правового понимания ислама, претендовали не только на религиозное, но и на административное верховенство над ними. Чтобы пресечь подобные претензии османского султана России потребовалось вести ряд войн против османов и включить в текст Кючук-Кайнарджийского мирного договора от 10 (21) июля 1774 года отдельный артикул (статью), где в качестве специальной юридической нормы международного права был особо закреплён отказ турецкого султана от административно-политического руководства татарами крымскими, кубанскими, астраханскими, казанскими, волжскими, а также ногайцами, черкесами и другими мусульманскими народами России, которые, правда, некоторое время продолжали оставаться в его ведении «по делам вероисповедным» и окончательно обрели автономию в духовных вопросах только в соответствии с российско-турецким соглашением от 28 декабря 1783 года, юридически закрепившим окончательный переход земель и населения быв-

шего Крымского ханства и Таманского полуострова в состав Российской империи. Поэтому можно утверждать, что все войны между Россией и Османской империей в XVIII были не только вооруженной борьбой за спорные сопредельные территории или торгово-экономические преференции, но и несли на себе отпечаток борьбы за религиозное доминирование и идеологическое господство в регионе Черного моря, Балкан и Кавказа.

Как видим, в последние десятилетия XVIII века, с началом реализации российским государством «греческого проекта», Российская и Османская империи вынужденно вступили в полосу не столько военно-стратегического противостояния, сколько жесткого идеологического противоборства, основанного на религиозном мессианстве каждой из сторон. Именно поэтому их геополитическое соперничество в Черноморско-Кавказском регионе имело столь острый и затяжной характер. И действительно, если взглянуть на историю развития российско-османских или османно-российских отношений непредвзято, то влияние «греческого проекта» императрицы Екатерины II на последующую историю взаимоотношений этих двух стран можно проследить вплоть до событий Первой мировой войны 1914–1918 годов. Поэтому не следует удивляться, что данное противостояние приобрело всеобъемлющий характер и, начавшись в Северном Причерноморье, вскоре распространилось на регион Кавказа, а затем – на Балканский полуостров и Закавказье, которое сегодня принято называть Центральным и Южным Кавказом.

Кавказ в орбите геополитических интересов России

Регионы Центрального и Южного Кавказа попали в сферу геополитических интересов Российской империи, сосредоточившей основные усилия на реализации «греческого проекта», в определенной степени случайно: там с переменным успехом боролись между собой за доминирование Персидское шахство и Османская империя, чье соперничество не выходило за границы сопредельных областей. В начале своей геополитической экспансии на Балканы Россия и не помышляла об открытии «второго фронта» против Османской империи на Кавказе или в Закавказье, – для этого у нее не было ни сил, ни средств, ни ресурсов. Свой взор на этот регион она обратила скорее вынужденно, под воздействием внешних и не зависящих от нее обстоятельств: в 1768 году за военной помощью против османов к России обратился правитель грузинских княжеств Каргли и Кахети Ираклий II, чей предшественник Вахтанг VI заключил в 1722 году с российским императором Петром I союзнический договор. В 1768–1772 годах на территории современной Грузии действовал отряд русских войск под командованием генерал-поручика барона Г.К.Г.Тотлебена, прославившегося храбростью на полях сражений, беспринципностью, авантюризмом и интриганством в остальные периоды жизни. Его действия в Грузии, несмотря на ряд военных успехов (включая взятие Кутаиси и осаду Поти), не принесли России существенной политической выгоды, поскольку генерал успел не только поссориться с грузинским царем Ираклием II, но и предать его как перед османами в сражении при Ахалцихе в апреле 1770 года, так и перед его конкурентами в борьбе

за грузинский престол, встав на сторону последних⁵. Единственным геополитическим результатом экспедиции отряда генерала Тотлебена было то, что регион в военно-топографическом отношении стал известен русскому военному командованию. Полученные детальные сведения давали возможность планировать на этой территории проведение в будущем эвентуальных боевых операций. По сути, именно благодаря барону Тотлебену Центральный и Южный Кавказ попали в поле зрения России, хотя сразу и не превратились в зону ее геополитических интересов.

Во второй раз Закавказье в военно-политическом отношении привлекло внимание России спустя 10 лет, в 1782 году, когда между Картли и Кахети, с одной стороны, и Россией – с другой, начались переговоры об установлении российского военного протектората над этими землями, завершившиеся подписанием 24 июля (4 августа) 1783 года известного Георгиевского трактата. Не вдаваясь в анализ содержания этого документа, отметим, что исполнение этого договора обеими сторонами продолжалось всего 4 года, до 1787 года, а затем под османским давлением русские войска (2 батальона пехоты) из Восточной Грузии (Картли-Кахети) были выведены, хотя Россия и продолжала рассматривать эти земли в качестве своего вассального владения. Об этом свидетельствует приказ императрицы Екатерины II командующему Кубанским корпусом генерал-фельдмаршалу графу И.В. Гудовичу от 4 сентября 1795 года «подкрепить царя Ираклия, яко вассала Российского, против неприязненных на него покушений, положенными по трактату с ними двумя полными батальонами пехоты»⁶ для отражения похода на

⁵ См.: *Потто В.А.* Кавказская война: В 5 тт. Т. 1. С древнейших времен до Ермолова. М.: Центрполиграф, 2006. С. 128–132.

⁶ Там же. С. 135.

Тифлис (Тбилиси) войск персидского шаха Ага Мохаммедхан Каджара, разрушившего грузинскую столицу 12 сентября (сам генерал Гудович получил приказ оказать военную помощь Ираклию II только 1 октября).

Установление военного протектората России над Восточной Грузией в 1783 году и ее последующее вхождение в 1801 году в состав империи обернулось для России чередой войн против двух стратегических противников на Кавказе – Османской империи и Персидского шахства. Положение России облегчали постоянные пограничные междоусобицы этих двух стран. В числе вооруженных конфликтов следует назвать несостоявшийся в полной мере в 1796 году поход сил русского Кубанского корпуса под командованием генерал-аншефа графа В.А. Зубова в Северный Азербайджан против войск персидского шаха, прерванный из-за смерти императрицы Екатерины II; русско-персидские войны 1805–1813 и 1826–1828 годов; русско-османские войны 1806–1812 и 1828–1829 годов. Именно при планировании и в ходе этих вооруженных конфликтов стали вырисовываться очертания и формулироваться содержание геополитических интересов и устремлений России в регионах Центрального и Южного Кавказа, поскольку государственные границы империи придвинулись к ним вплотную.

Основным поводом для возникновения всех упомянутых выше вооруженных конфликтов являлся вопрос неурегулированной границы на Кавказе между Россией, Персией и Османской империей и борьба за господство в феодальных государственно-территориальных образованиях Закавказья – различных махалах, шахствах, беглербекствах, ханствах и проч. В условиях объективного конфликта интересов между этими тремя центрами силы на Кавказе отправной точкой для преодоления существующих противоречий был

избран религиозный суверенитет кавказских народов. В пользу этого утверждения свидетельствуют положения Ясского мирного договора от 29 декабря 1791 (9 января 1792) года между Россией и Османской империей, согласно которым граница между двумя государствами устанавливалась по реке Кубани, а христианские народы Кавказа – осетины и восточные грузины и их земли признавались зоной геополитических интересов России⁷. Однако с таким размежеванием геополитических интересов на Кавказе оказались несогласны персидский шах Ага Мохаммед-хан Каджар, совершивший в 1795 и 1797 годах два похода в земли Картли-Кахети (христианской Восточной Грузии), и мусульманские народы Западной Грузии, продолжавшие набеги на Картли-Кахетию и Имеретию, что в итоге и подтолкнуло последнего самостоятельного царя грузинских земель Георгия XII искать не только военной, но и государственной защиты у России. Вопрос о политических и юридических аспектах вхождения Картли-Кахети в состав России хорошо изучен и известен⁸, и подробно останавливаться на нем мы не будем. Скажем только, что императорский Манифест о присоединении Грузии к России был официально зачитан в Сионском соборе в Тифлисе 12 апреля 1802 года, после чего Россия вплотную приблизилась к вопросу формулирования своих геополитических интересов и приоритетов в регионе Южного Кавказа.

---

⁷ Подробное описание пути чрезвычайного и полномочного Российского Императорского Посольства, после Ясского мира, от Рущука через Шумлу в Константинополь, в 1793 году. С военными замечаниями о земле, с показанием способа проехать и продовольствовать от 30-ти до 40-ка тысяч войска / Прим. Н.А. Осокина // Русская старина, 1878, № 1 (Т. 21). С. 100–124.

⁸ См.: *Авалов З.Д.* Присоединение Грузии к России. СПб: Тип. Монтвида, 1906.

Определение геополитических интересов России в Закавказье было обусловлено прежде всего фактором военно-стратегической безопасности вновь присоединенных земель, для чего было необходимо выйти на естественные границы Кавказа, по которым можно было бы организовать не только территориальное размежевание, но и эшелонированную оборону. Такими естественными рубежами могли быть только река Аракс на юге и река Чорух на западе. За выход на эти рубежи Россия в первой трети XIX столетия и провела ряд указанных выше наступательных войн. Именно в контексте этих и последовавших за ними вооруженных конфликтов между Российской и Османской империями, сопровождавшихся взаимными территориальными притязаниями, следует рассматривать место, роль и значение Центрального Кавказа в комплексе геополитических интересов России.

Прежде всего следует отметить, что Центральный Кавказ как самостоятельный субрегион и объект геополитического внимания появился на карте мира исключительно благодаря России. Формирование, юридическое оформление и последующее политологическое обособление его пространственной локализации осуществлялось путем вхождения все новых земель в состав России. Согласно Гюлистанскому от 12 (24) октября 1813 года и Туркманчайскому от 10 (22 февраля) 1828 года мирным договорам с Персией, а также Бухарестскому от 16 (28) мая 1812 года (вместе с Аккерманской конвенцией от 25 сентября (7 октября) 1826 г.), Адрианопольскому от 2 (14) сентября 1829 года мирным договорам с Османской империей, а также Берлинскому трактату от 1 (13) июля 1878 года, к России были присоединены земли Дагестана, Картли, Кахети, Мегрелии, Имеретии, Гурии, Абхазии, Бакинского, Карабахского, Гянджинского,

Ширванского, Шекинского, Дербентского, Кубинского, Талышского, Нахичеванского, Эриванского ханств, все восточное побережье Черного моря от устья Кубани до пристани Св. Николая с крепостями Анапа, Суджук-кале и Поти, а также османские пашалыки (провинции) Ахалцихе, Ахалкалаки, Батум, Карс, Ардаган, Артвин. Таким образом, с историко-правовой точки зрения, все эти земли должны быть включены в регион Центрального Кавказа и стать объектом комплексного изучения, поскольку все они находились под имперским влиянием России, определившим де-факто их последующую историческую судьбу.

По сути, мы можем говорить, что субъектами Центрально-Кавказского региона сегодня являются Российская Федерация, Турецкая Республика, Азербайджанская Республика, Республика Армения, Грузия, а также непризнанные или частично признанные государственные образования – Абхазия, Южная Осетия, Нагорный Карабах. Однако политические элиты некоторых стран этого региона, а также, опосредованно, поддерживающие их мировые центры силы активно стремятся ослабить влияние на регион или даже полностью исключить из списка субъектов Центрального Кавказа Россию и Турцию, оставив в их числе только Азербайджан, Армению и Грузию.

Такой политологический подход к региону Центрального Кавказа априори неприемлем, поскольку не только игнорирует исторические реалии и традиции, но и отвергает историко-культурное наследие населяющих его народов в угоду амбициям отдельных групп местных политических элит и стоящих за ними международных финансово-промышленных кругов. Центральный Кавказ начиная со второй трети XIX столетия был и остается зоной геополитических не просто интересов, а приоритетов России, политика кото-

рой в отношении него на протяжении последних двух веков претерпела существенные трансформации, позволяющие сформулировать определенную тенденцию.

Регион Центрального Кавказа, в отличие от региона Юго-Восточной Европы, никогда не был областью религиозной экспансии России, так как было бы глупо опираться на христианство как основу своего политического господства на территориях с традиционно мусульманским населением. Те земли, в которых христианство было исторически распространено и где к началу XIX столетия уже сложились феодальные общественные отношения, практически безболезненно инкорпорировались в состав российского государства и общества. Ущерб при этом претерпели интересы лишь весьма немногих представителей правящей региональной элиты.

В отношении государственно-территориальных образований Закавказья с традиционно мусульманским населением переход в подданство Российской империи имел более сложную административную процедуру, но также был логически понятен: местные феодальные правители до конца своих дней сохраняли лично за собой прежний административный статус (правда, утрачивая при этом политический суверенитет), а их наследники, преемники и приближенные становились российскими дворянами со всеми имущественными и сословными привилегиями. По сути, переход под власть России в областях Южного Кавказа никак не изменил традиционного для них характера социально-имущественных и административно-хозяйственных отношений, а поэтому основной массой населения был встречен индифферентно.

Ярким свидетельством тому может служить почти безразличное отношение новых русских властей к торговле

«ясырем» – «живым товаром» из числа местных мусульман даже за пределы Российской империи (особенно девушками и молодыми женщинами в турецкие гаремы). Внутри вновь присоединенных районов империи торговля ясырем осуществлялась свободно в пределах мусульманских сельских обществ, а факт совершения покупки или продажи ясырей (рабов, холопов) заверялся специальными актами у российских приставов с уплатой пошлины в государственную казну⁹. Следует отметить, что этот порядок был абсолютно идентичным тому, какой существовал в «христианской» части России в отношении крепостных крестьян, а потому уклад жизни основной массы местных жителей Кавказа и Европейской России мало чем отличался. Все это дает основания совершенно определено говорить, что на пути российской колонизации Кавказа не существовало никаких социально-экономических препятствий.

В первые десятилетия российской колонизации Кавказа со стороны местного мусульманского населения не было и политико-религиозных препятствий этому процессу. Так, в разгар русско-турецкой войны 1828–1829 годов во вновь присоединенных землях современного Азербайджана были успешно сформированы четыре конно-мусульманских полка (по 720 всадников в каждом) и особый конный дивизион под названием Конница Кянгерлы, действовавшие в составе русского Отдельного Кавказского корпуса. И в боях на территории Восточной Анатолии против своих единоверцев-османов они отличились даже больше частей регуляр-

---

⁹ См.: *Емельянова Н.М., Эзекоев М.Х.* Торговые и культурные связи Российской, Османской империй и народов Кавказа в первой половине XIX века. В кн.: *Исторические, культурные и экономические связи между Турцией и Россией.* С. 45–47.

ной русской армии¹⁰. После окончания войны даже рассматривался вопрос о формировании на территории, которую сегодня принято именовать Южным Кавказом, особого Закавказского мусульманского казачьего войска. План этот не был реализован в полной мере только в силу необходимости задействовать ранее выделенные на то силы и средства для подавления Польского восстания 1830–1831 годов¹¹. Окончательно об этом проекте забыли в 1840-х годах, когда в Дагестане и Чечне полыхало восстание горских народов во главе с имамом Шамилем. Из всего сказанного можно сделать вывод: в многонациональной и поликонфессиональной России вопрос о вероисповедании ее подданных вставал только тогда, когда те своими противоправными действиями нарушали установленный порядок вещей.

«Армянский вопрос» как инструмент российской геополитики на Кавказе

В российской колонизации Центрального Кавказа присутствовал только один аспект, имевший ярко выраженную религиозно-конфессиональную окраску. Речь идет о так называемом «армянском вопросе», который резко диссонировал со всей политикой России в Закавказье, кардинально нарушая логику формирования российской геополитики в регионе. Следует оговориться, что мы рассматриваем его именно как религиозно-конфессиональный, а не национальный, поскольку в России до февраля 1914 года, когда был

---

¹⁰ См.: Утверждение русского владычества на Кавказе: К 100-летию присоединения Грузии к России: В 5 тт. / Под ред. В.А.Потто. Т. 4 (ч. 2). Тифлис, 1909. С. 415–416.

¹¹ См.: *Нагдалиев Ф.Ф.* Ханы Нахичеванские в Российской империи. М.: Новый аргумент, 2006. С. 93–98.

принят закон о свободе вероисповедания, понятия «национальность» как элемента формально-правовой характеристики личности не существовало, и его в известной мере заменяла конфессиональная принадлежность. Поэтому с правовой точки зрения «армянского вопроса» в России никогда не существовало и не могло существовать в принципе, а для обозначения этой проблемы более корректным будет использование дефиниции «армяно-григорианского вопроса».

Армяно-григорианское вероисповедание, являвшееся в Российской империи социально-правовым атрибутом армянского этноса, ошибочно воспринималось светскими представителями государственно-политического истеблишмента как канонически родственное православию в силу схожести ритуальной обрядовости и атрибутики. Не вдаваясь подробно в вопросы богословской догматики, напомним только, что Армянская Апостольская Церковь относится к группе Древневосточных православных церквей, в IV Вселенском Соборе не участвовала и постановлений его не приняла, а поэтому в своей догматике основывается на постановлениях только первых трех Вселенских Соборов и придерживается дохалкидонской христологии святителя Кирилла Александрийского, исповедовавшего «Единую природу Бога Слова воплощенного» (миафизитство). От православной догматики армяно-григорианское учение отличается отрицанием Св. Троицы, что сближает ее адептов с исповедниками иудаизма и последователями различных псевдо-христианских сект «жидовствующих» – духоборов, молокан и проч. Поэтому с точки зрения современного христианского богословия (как католического, так и православного или даже протестантского) армяно-григориане не могут считаться христианами в полном смысле этого слова, но русские военно-административные власти на Кавказе не

придавали догматическим особенностям этого вероисповедания особого внимания, видя в его последователях союзников в реализации своих военно-политических планов и амбиций в регионе Южного Кавказа. Фактически мы можем уверенно утверждать, что «армянский вопрос» уже во второй четверти XIX столетия стал стержнем российской геополитики в Закавказье и продолжал им оставаться на протяжении без малого двух столетий, вплоть до начала XXI века.

Отторжение Россией от Персии и Османской империи территории Центрального Кавказа и закрепление ее за собой на протяжении нескольких десятилетий сопровождалось активной переселенческой политикой российского государства в отношении армяно-григориан, целенаправленно выводимых на вновь присоединенные к России закавказские земли из Персии и Османской империи, о чем в Туркманчайском мирном договоре с Персией и Адрианопольском мирном договоре с Блистательной Портой имелись специальные статьи. Переселение армян в Закавказье носило массовый характер: по вполне официальным российским данным, только за осень 1829 – весну 1830 года в Россию из Османской империи было переселено до 15 тыс. армянских семей, что составляло от 90 до 100 тыс. человек. И это были только переселенцы из пашалыков (районов) Эрзерума и Карса¹². Приблизительно столько же армян двумя годами раньше переселилось в российское Закавказье из Персии, а еще около 30 тыс. – из района Трабзона. Фактически за три неполных года армянское население Южного Кавказа увеличилось на треть миллиона человек. И столь одномоментное массовое переселение, санкционированное, организованное и финансируемое российской администрацией, в

---

¹² См.: Утверждение русского владычества на Кавказе... Т. 4 (ч. 2). С. 453–454.

полной мере можно считать самым наглядным проявлением геополитики России на Южном Кавказе.

Данным утверждением мы не стремимся поставить под сомнение тот факт, что армяно-григориане испокон веков проживали на территории Закавказья. Но столь массовое переселение армян в эти земли на рубеже 1820–1830-х годов из Персии и Османской империи кардинальным образом изменило территориальную структуру расселения представителей этого народа на вновь присоединенных к России землях. До этого времени армяно-григориане в закавказских феодальных государственно-территориальных образованиях расселялись дисперсно, нигде не составляя этнического большинства (даже в Эриванском ханстве), но после переселения 1830 года из Восточной Анатолии в отдельных местностях Южного Кавказа они начали селиться компактно, образуя этническое большинство. Примером тому может служить организованное русской кавказской администрацией заселение вышедшими из Османской империи армянами окрестностей Гумр (ныне Гюмри) и Лорийской долины¹³, ставших впоследствии ядром национальной государственности современной Армении.

Как мы видим, главным национально-религиозным инструментом реализации российской геополитики на Южном Кавказе стали не азербайджанцы-мусульмане и даже не грузины-христиане, не раз на поле боя доказывавшие с оружием в руках свою верность России и ее геополитическим интересам, а именно армяно-григориане, не имевшие перед ней никаких особенных заслуг, за исключением внешней схожести церковно-религиозной обрядовости и атрибутики. Почему это произошло – это не вопрос нашего исследования, и нам остается только констатировать факт наличия, а

---

¹³ См.: Там же.

не рассматривать причины происхождения такого положения дел.

«Армянский вектор» на протяжении всего XIX и начала XX столетия определял приоритеты российской геополитики в регионе Южного Кавказа. Дополнительным доказательством этому может служить и не вполне удобное с военно-стратегической точки зрения, но вполне объяснимое с позиции военно-политической генеральное направление движения русских войск в Закавказье во всех русско-турецких войнах того века. Русское военное командование главным направлением и одновременно конечным пунктом своего наступления вглубь турецкой Восточной Анатолии в четырех последних войнах с Османской империей (1828–1829, 1853–1856, 1877–1878, 1914–1918 гг.) считало именно Эрзерум, а не Трабзон или Синоп, овладение которыми существенно облегчало бы снабжение по морю русских войск, воюющих в Анатолии. Но ни в одной из этих войн овладение турецким побережьем Черного моря не ставилось в качестве стратегической задачи, что дает возможность сделать вывод: для России геополитическим приоритетом являлось отторжение от Османской империи ряда областей, весьма сомнительных в военно-стратегическом и экономическом отношении, но имеющих значительный процент армяно-григорианского населения. А это, в свою очередь, позволяет говорить о том, что помимо «греческого проекта» в России на протяжении столетий существовал (?) и «армянский проект», хотя его наличие никто не афишировал.

Сегодня нет достаточных и достоверных документальных данных, чтобы напрямую отождествлять реализацию российского «армянского проекта» и провозглашение «Великой Армении», создание которой на территориях Османской империи, оккупированных Россией в ходе Первой ми-

ровой войны, предполагалось по условиям Мудросского перемирия от 30 октября 1918 года и Севрского мирного договора от 10 августа 1920 года между странами Антанты и Османской империей. Но сам факт попытки передать турецкие территории, ранее оккупированные Россией, после ее одностороннего выхода из войны в соответствии с Брест-Литовским мирным договором от 3 марта 1918 года армянским националистам свидетельствует о том, что «армянский проект», ранее лоббируемый Россией и отчасти Францией, сохранил актуальность и после ее военно-политического поражения в Первой мировой войне. Крест на нем поставила только победа сторонников Гази Мустафы Кемалья-паши Ататюрка в ходе турецкой Войны за независимость 1919–1923 годов, составной частью которой являлся турецко-армянский вооруженный конфликт 1920 года. В результате этого конфликта был восстановлен государственный суверенитет будущей Турецкой Республики над оккупированными сначала российскими войсками, а затем армянскими вооруженными формированиями областями Восточной Анатолии.

Отголоски «армянского проекта» прослеживались во внешней политике России новейшего исторического периода, когда после распада СССР в условиях вооруженного конфликта вокруг Нагорного Карабаха в 1990-х годах Российская Федерация изначально заняла активную проармянскую позицию. О субъективном влиянии ряда исторических личностей на выбор современной Россией подобного вектора своей внешней политики в регионе Центрального Кавказа мы здесь подробно говорить не будем, поскольку не в традициях историков оценивать ныне здравствующих людей, ограничимся лишь общим замечанием о существовании «армянского лобби» в кругах российского политиче-

ского истеблишмента, влияние которого в последние годы стало угасать по причине физического старения его ключевых представителей, все более утрачивающих способность и возможность влиять на содержание российской геополитики в регионе Центрального Кавказа.

Новые геополитические приоритеты России в Закавказье

Сегодня Россия поэтапно осуществляет смену приоритетов своей геополитики в Закавказье, организуя ее на принципиально иных основах и в соответствии с реалиями нынешнего дня: на смену прежнему идеологическому детерминизму, имевшему ярко выраженную национально-религиозную окраску, пришел прагматизм в вопросах международной экономики и внешней политики в регионе Центрального Кавказа. Вполне очевидно, что в одночасье изменить свой внешнеполитический курс на столь важном для себя направлении Россия объективно не в состоянии – слишком сильна двухвековая инерция, на преодоление которой нужны силы, время и политическая воля. Как раз наличие последней в наши дни проявляется наиболее рельефно, хотя политики абсолютно всех стран Центрального Кавказа, упоенные первым сколько-нибудь крупным юбилеем – 20-летием – своей национальной государственности предпочитают этого не замечать, оставаясь в привычной для себя системе геополитических координат.

На протяжении двух десятилетий после распада СССР Россия видела своим естественным союзником в Закавказье именно Армению, как наиболее стабильное и предсказуемое в военно-политическом отношении из новообразованных государств. В 1990-х годах на фоне консолидирован-

ного стремления Армении и армян к доминированию в регионе Центрального Кавказа, Грузия и Азербайджан со своими внутривластными клановыми междоусобицами казались и даже некоторое время являлись территориями перманентной анархии. Сейчас обстановка в странах Центрального Кавказа принципиально изменилась, и Россия вынуждена искать себе новых партнеров для проведения своего курса не только в Закавказье, но и во всей Передней Азии, к которой данный регион относится географически. Армения экономически слаба, остается на протяжении всей новейшей истории своей национальной государственности страной-реципиентом, живущей за счет финансовой поддержки России и армянской диаспоры, а потому в перспективе не может быть стратегическим союзником России на Центральном и Южном Кавказе. Грузия и Азербайджан в силу политических или национально-религиозных причин, проявившихся в последние годы в серии недружественных по отношению к России внешнеполитических демаршей, объективно также не могут занять вакантное место российского геополитического партнера в Закавказье, поскольку для них это будет сопряжено с односторонним отказом от выполнения комплекса ранее принятых на себя обязательств по отношению к другим мировым центрам силы, чего они позволить себе в одночасье объективно не могут.

Поэтому для сохранения своего стратегического влияния на регион Центрального и отчасти Южного Кавказа в сложившихся условиях Россия вынуждена искать союзников за его пределами. В таком качестве она может рассматривать только две страны – Исламскую Республику Иран и Турецкую Республику, хотя первая на роль стратегического партнера в Передней Азии мало подходит в силу специфики и непредсказуемости своей внешней политики и ее за-

висимости от явно выраженного религиозного мессианства политико-религиозной элиты Ирана в исламском (особенно шиитском) мире. Следовательно, наиболее вероятным претендентом на роль геополитического партнера России в Передней Азии и в регионах Центрального и Южного Кавказа становится Турция, отношения с которой в последние годы бурно развиваются как на государственном-политическом, так и на экономическом и гуманитарном уровнях. Таким образом, мы можем уверенно констатировать тенденцию изменения геополитических приоритетов России в Закавказье и во всей Передней Азии, когда на смену не оправдавшим себя «греческому» и «армянскому» проектам приходит новый – «турецкий», с наличием которого всем странам Кавказа придется считаться уже сегодня.

Стратегический экономический союз России и Турции, который день ото дня обретает новые институциональные черты, неизбежно лишит суверенные кавказские государства стратегического политического влияния не только на мировой, но и на региональной арене, де-факто отнимая у них возможность получать напрямую любую техническую поддержку от иных мировых или региональных центров силы. Пассивная помощь властей Турецкой Республики России во время югоосетинского вооруженного конфликта в августе 2008 года лишней раз продемонстрировала всему миру готовность ее истеблишмента уступить России геополитические приоритеты на Кавказе в обмен на сырьевые и прочие экономические преференции. Политико-экономическое партнерство России и Турции в последние годы начинает приобретать обоюдовыгодное идеологическое оформление в виде идеологии «евразийства», которая в обеих странах начинает активно культивироваться не только на политическом, но и на научно-академическом уровне, что

уже в ближайшей перспективе неизбежно приведет к выработке обоюдно приемлемой идеологической концепции «славяно-тюркского евразийского единства», в которой не будет места для политически самостоятельных национально-государственных и этнорелигиозных интересов кавказских народов.

Из всех стран Центрально-Кавказского региона от смены вектора российской внешней политики в Закавказье в максимальном выигрыше в среднесрочной перспективе должен оказаться Азербайджан, но он почему-то не спешит воспользоваться открывающимися перед ним преимуществами. Более того, в последний год в Азербайджане стала набирать обороты недружественная России идеолого-пропагандистская риторика, связанная с муссированием идеи «двухсот лет геноцида азербайджанского народа», якобы осуществлявшегося в Российской империи. Наиболее ярко она проявляется в русскоязычных изданиях азербайджанской диаспоры в России (журнале «IRS-Наследие», газете «Азербайджанский конгресс», на страницах и в электронной версии которых присутствует рубрика «200 лет геноцида»). Вполне понятно, что острие этой идеолого-пропагандистской риторики направлено против Армении и ее идеи «геноцида армян» в годы Первой мировой войны. Но при этом официальный Баку, полномасштабно финансирующий эти издания и стоящие за ними азербайджанские диаспоральные структуры, почему-то забывает, что 2013 год станет годом 200-летия заключения Гюлистанского договора между Россией и Персией, в результате которого только и стала возможной трансформация в нацию азербайджанского этноса, ранее испытывавшего угнетение со стороны персов. Как бы то ни было, но этот процесс мог происходить только в условиях толерантности российского государства

по отношению ко всем населяющим его народам и их вероисповеданиям, без чего было бы невозможно и само существование азербайджанцев как государствообразующей нации (ведь не могут же они в современном Иране создать государственность Южного Азербайджана, хотя разговоры об этом ведутся на протяжении почти ста лет).

Сегодня мы являемся свидетелями и участниками глобальных трансформаций российской геополитики в отношении региона Центрального и отчасти Южного Кавказа, и в ближайшее десятилетие сможем воочию увидеть, придет ли «турецкий проект» на смену «армянскому» и «греческому». Констатация реального наличия геополитической идеи «евразийского славяно-тюркского единства», над реализацией которой сегодня совместно активно работают Россия и Турция, – первый вывод нашего исследования, посвященного эволюции содержания Российской геополитики в Закавказье. «Турецкий проект» сегодня является объективным императивом российской внешней политики, и реализация его будет существенно влиять на обстановку в странах Центрального Кавказа.

Независимые государства и самопровозглашенные государственные образования Центрального Кавказа в любом случае будут обязаны учитывать изменение контекста геополитики в Кавказско-Черноморском регионе. Страны Европейского союза и НАТО, в которых правящие политические элиты отдельных центральнокавказских стран видят своих естественных союзников, все больше утрачивают влияние на содержание этой геополитики. Смещение центров силы кавказской региональной геополитики неизбежно лишит политические элиты Азербайджана, Армении и Грузии возможности балансировать на конфликтах интересов

более сильных и ответственных политических игроков, поскольку часть из них объединится в достижении собственных корпоративных интересов, противоречащих корпоративным интересам политических элит стран Центрального Кавказа.

В любом случае в ближайшее десятилетие весь Кавказский регион ожидают серьезные трансформационные процессы, направленные на его дальнейшую интеграцию в мировую систему, которой сегодня препятствуют региональные конфликты. Мир вокруг Центрального Кавказа качественно изменился, и его политическим элитам решать, как им приспособливаться к произошедшим изменениям.

Гюлистанский договор: 200 лет спустя

(Опыт исторического осмысления событий русско-персидской войны 1804–1813 годов и содержания Гюлистанского договора в контексте его 200-летия)

---

24 октября 2013 года исполнилось 200 лет со дня подписания Гюлистанского договора, положившего конец самой продолжительной в истории XIX столетия войне между Российской империей и Персидским шахиншахством, длившейся без малого 10 лет – с 1804 по конец 1813 года. Ни одно открытое вооруженное противостояние в тот век не длилось столь долго, если не считать 15-летней эпохи наполеоновских войн в Европе и Северной Африке, но то была совокупность достаточно непродолжительных по времени и локальных по масштабу вооруженных конфликтов, так и не позволившая считать их первой в истории человечества мировой войной. События и последствия русско-персидской войны 1804–1813 годов таят в себе множество вопросов, принципиальные и честные ответы на которые не получены до сих пор. Между тем эта война имела, пожалуй, определяющее значение для исторических судеб азербайджанского народа, воистину предопределив на столетия вперед пути его национального, интеллектуального, политического и государственного развития, а поэтому исторические лаку-

ны этой войны все еще требуют добросовестного заполнения. Мы не претендуем на всесторонний анализ военных, политических и сопутствовавших им дипломатических действий и событий той эпохи, поскольку это является задачей полноценной монографии, а не журнальной статьи, но постараемся указать на те из них, которые нуждаются в дополнительном осмыслении современными российскими, азербайджанскими и иранскими историками.

Российская историческая традиция досоветского периода (ее ярчайшими представителями следует считать неперменного академика-секретаря С.-Петербургской академии наук генерал-лейтенанта Н.Ф.Дубровина и начальника военно-исторического отдела штаба Кавказского военного округа Российской Императорской армии генерал-лейтенанта В.А.Потто) основную и, пожалуй, единственную причину этой войны видела в стремлении Российской империи распространить свое геополитическое влияние максимально широко и как можно дальше за Большой Кавказский хребет, начало чему было положено присоединением Грузии в 1801 году¹. Советская историографическая традиция – как российская, так и азербайджанская, – основывавшаяся на идеологическом постулате «пролетарского интернационализма», или старалась обходить эту тему стороной, или вообще сводила ее к реализации «исторически обусловленного» стремления азербайджанского народа к вхождению в

---

¹ См.: *Дубровин Н.Ф.* История войны и владычества русских на Кавказе: В 8-ми тт. СПб: Тип. Департамента уделов, 1871–1888. Т. IV; *Потто В.А.* Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях: В 5-ти тт. СПб: Тип. Е. Евдокимова, 1887–1889. Т. I; Утверждение русского владычества на Кавказе: 1801–1901. К столетию присоединения Грузии к России: В 4-х тт. Т. I/ Под ред. Н.Н.Беляевского, В.А.Потто. Тифлис: Тип. Я.И.Либермана, 1902.

состав Российской империи². Российская и азербайджанская историческая наука новейшего периода (т.е. после распада СССР) за последние 20 лет также не обращалась к теме русско-персидской войны 1804–1813 годов, не создав о ней вообще никакого монографического исследования, несмотря на «хронологически» благоприятные для этого предпосылки в виде 200-летия ее начала или окончания, что лишний раз свидетельствует об отсутствии на официальном академическом уровне в современном Азербайджане или России реального интереса к событиям и последствиям той войны. Единственным, кто отреагировал на 200-летие завершения русско-персидской войны 1804–1813 годов, стал весьма тенденциозный по направленности своей исследовательской деятельности Международный институт новейших государств, опубликовавший в начале 2013 года в виде брошюры 28-страничный доклад «Современное значение Гюлистанского мирного договора»³, имеющий явно выраженное политологическое, а не конкретно-историческое содержание. Все это позволяет совершенно определенно говорить о том, что русско-персидская война 1804–1813 годов остается по-прежнему неизвестной или «забытой» войной, несмотря

² См., например: *Ибрагимбегли Х.М.* Россия и Азербайджан в первой трети XIX века (из военно-политической истории). М.: Наука. Главная редакция восточной литературы. 1969; *Мустафаев Дж.М.* Северные ханства Азербайджана и Россия (конец XVIII – начало XIX в.). Баку: Эльм, 1989; *Петрушевский И.П.* Ханства Азербайджана и возникновение русской ориентации // Известия АН АзССР (отдел. общ. наук), Вып. II, № 5. Баку, 1946; Присоединение Азербайджана к России и его прогрессивные последствия в области экономики и культуры (XIX – нач. XX в.) / Под ред. А.С.Сумбатзаде. Баку: АН Азербайджанской ССР. Институт народов Среднего и Ближнего Востока, 1955.

³ Современное значение Гюлистанского мирного договора. М.: Международный институт новейших государств, 2013.

на особую актуальность ее результатов для исторических судеб азербайджанского и всех остальных кавказских народов, и заставляет нас заполнить лакуну, образовавшуюся в мейнстриме современной исторической науки на постсоветском пространстве.

Мы не ставим перед собой задачи написать развернутый очерк причин, событий и последствий русско-персидской войны 1804–1813 годов (такая задача достойна монографии), но тем не менее намерены привлечь внимание своих коллег к связанным с ней фактам, событиям или процессам, которые ранее не попали в поле зрения представителей российской или азербайджанской исторической науки и в силу этого обстоятельства еще не стали предметом их осмысления, хотя, бесспорно, достойны этого. По сути, мы намерены поставить перед азербайджанскими историками ряд вопросов в надежде на то, что они когда-нибудь в будущем найдут на них (в первую очередь для себя) честные ответы.

Дебаты о причинах и начале войны

Геополитические причины русско-персидской войны 1804–1813 годов очевидны. Самой понятной из них явилось стремление Российской империи расширить свое присутствие на Кавказе за счет территорий, находившихся в формально-правовой зависимости от Персии, первым шагом к чему стало присоединение Грузии в соответствии с Георгиевским трактатом 1783 года. Второй, не менее очевидной причиной стала объективная неспособность Персидского шахиншахства выполнить свои обязанности сюзерена по военной защите своих кавказских вассалов от внешней военно-политической угрозы с севера, что лишний раз было

доказано отсутствием какой бы то ни было реакции на присоединение Грузии к России ни со стороны персидского шаха Фетх-Али, ни со стороны наследного принца Аббаса, которому в административном отношении были подчинены персидские территории на Кавказе (в самом широком понимании этого слова), населенные разнообразными тюркскими племенами, составившими впоследствии этническую основу формирования единого азербайджанского народа, а затем – нации. По сути, российское военное командование на Кавказе, используя различные предлоги и поводы, было готово и, что самое главное, способно расширить границы своей страны на те территории Кавказа, которые, в силу патримониального характера взаимоотношений местной феодальной знати и администрации принца Аббаса, де-факто были самоуправляемыми и по этой причине не имели у себя персидских вооруженных контингентов для защиты от внешней агрессии. Таким образом, феодально-раздробленный Северный Азербайджан, состоявший из трех десятков ханств, близких по своему государственно-правовому статусу к европейским герцогствам, для закаленных в боях с османами российских войск был сравнительно легкой добычей, покорить которую можно было малой кровью, что, в свою очередь, сулило генералам и офицерам многочисленные почести и награды. Такая логика поведения была свойственна всем империям мира, и Российская не была исключением. Слабый должен был или подчиниться, или умереть. *Tertium non datur* – третьего не дано.

Помимо двух указанных выше очевидных причин был еще целый ряд неочевидных, но от того не менее существенных, на которых ни российская, ни азербайджанская историческая наука никогда не акцентировала внимания, а если замечала их, то не делала открытых для широкой

публики выводов. Одной из таких причин стал сепаратизм азербайджанских ханов по отношению к своим персидским сюзеренам. Дж.М.Мустафаев в работе «Северные ханства Азербайджана и Россия (конец XVIII – начало XIX вв.)» достаточно убедительно доказал, что к концу XVIII столетия Баку, Гянджа, Шеки, Шамахи и их соседи в своем социально-экономическом развитии превзошли собственно персидские области Персидской империи, что стало материальной причиной и основой стремления целого ряда кавказских ханов к максимально широкому обособлению от Тавриза и Тегерана и даже к политическому суверенитету. У наиболее крупных ханств для этого были не только предпосылки, но и основания в виде собственных финансово-фискальных систем, денежных единиц, систем мер и весов, кардинально отличавшихся от персидских. В июне 1812 года, вскоре после присоединения де-факто территории большей части современного Азербайджана к России, по распоряжению генерала от инфантерии Н.Ф.Ртищева – главнокомандующего в Грузии и главноуправляющего гражданской частью и пограничными делами в Грузии и в губерниях Кавказской и Астраханской (он занимал эту должность в 1811–1815 гг.), главного российского начальника на Кавказе – была проведена камеральная проверка (или люстрация в западноевропейской традиции) впоследствии присоединенных де-юре к России по Гюлистанскому мирному договору земель. Проверка, выполненная Казенной экспедицией Верховного грузинского правительства, убедительно показала, что кавказские ханства во взаимоотношениях с Персидским шахиншахством были абсолютно самостоятельны в административном и хозяйственном отношении. Об этом свидетельствовало наличие развитых фискальных и камеральных структур местной ханской администрации, проявлением

чего было наличие в каждом ханстве собственной денежной системы, монетных дворов и казначейств⁴. Этот факт лишний раз свидетельствует, что ханы Карабаха, Гянджи, Ширвана, Шамахи определенно тяготились политической зависимостью от персидских владетелей и были совсем не против того, чтобы освободиться из-под их власти или как минимум сменить сюзерена.

Такому стремлению немало способствовала внутривосточная, точнее – династическая нестабильность внутри Персидского государства, которое на протяжении всего XVIII столетия являлось империей лишь на словах, будучи на деле не чем иным, как шахиншахством, в котором верховная власть шаха ограничивалась административным суверенитетом местных ханов. Кроме того, верховная власть представителей династии Зендов, а затем Каджаров существенно ограничивалась патримониальными доминантами племенных корпораций, что также не способствовало централизации государства. По сути, на территории Персии сложилась ситуация, подобная той, что существовала в то же самое время в германских княжествах или Речи Посполитой и неизбежно привела к насильственной извне централизации первых и расчленению второй между наиболее сильными в военном или государственном отношении соседями. По своему внутреннему устройству (с политико-правовой или культурологической точки зрения) Персия мало чем отличалась от Священной Римской империи германской нации, в состав которой одновременно входили более 350 государств разной степени независимости, и разница между ними состояла лишь в количестве полусуверенных

---

⁴ См.: Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею: В 13-ти тт. Тифлис: Тип. Главного Управления Наместника Кавказского, 1866–1904. Т. V. 1873. С. 201–207.

субъектов. Забегая несколько вперед и проводя ретроспективные политико-правовые параллели, мы вполне объективно можем говорить о том, что развитие ситуации на Кавказе в начале XIX века было абсолютно тождественно по форме и содержанию государственно-правовым процессам в Центральной Европе. Подобно тому как Рейнский союз (Конфедерация германских государств под протекторатом Наполеона I), силой навязанный Наполеоном Бонапартом многочисленным германским княжествам в 1806 году, сократил число суверенных субъектов германской государственности с 350 всего до 36, после чего стало возможным создание в 1871 году единой Германской империи, российские завоевания на Кавказе, объединившие разрозненные азербайджанские ханства и племена под административной юрисдикцией Российской империи, заложили основу для возникновения сначала Азербайджанской Демократической Республики, затем – Азербайджанской ССР и современного суверенного Азербайджана.

Азербайджано-персидские и вообще кавказско-персидские (включая в их число грузино-персидские и дагестано-персидские) отношения в конце XVIII – начале XIX века приобрели характер не просто конфликта, но и открытой конфронтации, чему немало способствовал национально-религиозный фактор. В правление шахов из династии Зендов земли современного Азербайджана в политическом отношении были провинцией, население которой испытывало произвол и притеснения со стороны собственно персидской (иранской) аристократии. Это спровоцировало в 1780-х годах внутри страны феодальную войну и привело к власти собственно азербайджанскую (по территориальному признаку), а если быть совсем точным, то гянджинскую династию Каджаров. Приход к власти Каджаров как бы «смикши-

ровал» азербайджано-персидские противоречия, возвысив первых и принизив последних, но при этом привел к обострению внутриазербайджанских противоречий.

Ни для кого не секрет, что в 1783–1784 и 1797–1799 годах Ибрагим Халил-хан карабахский из рода Джеванширов, нарушая все правила вассалитета в отношении Зендов, вел тайные переговоры о принятии Карабахского ханства в российское подданство, а в 1795 и 1797 годах самостоятельно противостоял нашествиям персидских войск Ага Мохаммед-хана (с 1796 г. шаха) – основателя каджарской династии в Персии, подвергнувшего Карабах разгрому и опустошению. Правда, если верить свидетельствам родового историка династии карабахских ханов Мирзы Джамала Джеваншира, Ибрагим Халил-хан был самовластен в своем ханстве («прибыв в Карабаг, Ибрагим Халил-хан стал самостоятельным ханом и правителем и властвовал, не подчиняясь никому»), что, однако, не опровергает того факта, что зендский Исфакан и каджарский Тегеран считали его своим пусть и непокорным, но все-таки вассалом, который получил свой статус в наследство от отца – Панах Али-хана Джеваншира, которому ханский титул был пожалован персидским правителем Адиль-шахом в 1748 году⁵. Помимо ханов Карабаха не симпатизировали каджарской Персии и ханы Шеки, особенно Мухаммед-Хасан-хан, внук основателя этого ханства Хаджи-Челеби-хана из рода Кара-Кешиш, который в 1805 году перешел в подданство Российской империи, а в 1795–1797 годах во время нашествия персидских войск Ага Мохаммед-шаха Каджара был вынужден спасаться бегством за пределами ханства. Еще одним противником Каджаров был Мир Мустафа-хан талышский, который в 1795 году обра-

⁵ См.: *Джеваншир М.Д.* История Карабаха. Баку: Изд-во АН АзССР, 1959. С. 13, 47.

тился к России с просьбой о покровительстве, а в условиях начала русско-персидской войны превратил свои владения в протекторат России, ликвидированный Аббасом-Мирзой только в 1809 году. В противовес им открытую проперсидскую ориентацию демонстрировал хан Гянджи Джавад-хан Каджар, представитель младшей ветви династии персидских правителей, который во всех междоусобных войнах на Кавказе в конце XVIII – начале XIX века всегда выступал со своими аскерами на стороне кровных родственников из числа представителей этой персидской шахской династии. Словом, в указанный период на территории современного Азербайджана велась перманентная *bellum omnium contra omnes* – война всех против всех, типичная для стран Европы XII–XVI веков.

В связи с этим возникает вполне резонный вопрос: отчего сразу несколько правителей вассальных Персии кавказских областей: Грузии, Карабаха, Нахчывана, Шеки, – в 1783 году вдруг вступили в переговоры с командующим российским Кубанским корпусом генерал-поручиком П.С.Потемкиным, а царь Картли-Кахети Ираклий II даже изъявил желание перейти под покровительство России, о чем 24 июля (4 августа) 1783 года в крепости Георгиевск был подписан Георгиевский трактат? Дело в том, что начиная с 1747 года Персидское шахиншахство впало в период внутренней смуты, основным содержанием которой стала борьба за власть между персидскими племенами, объединившимися вокруг династии Зендов, и тюркскими племенами Кавказа и Прикаспия, предводительствуемыми Каджарами. Ханы Северного Азербайджана вполне отдавали себе отчет в том, что их правителем может стать Ага Мохаммед-хан – кровавый тиран, чье имя связывалось, как это принято сегодня называть, с военными преступлениями против человечно-

сти. Противостоять ему в одиночку они не могли и потому были вынуждены искать для себя и своих подданных покровительства и защиты по другую сторону Большого Кавказского хребта – в России.

Если развивать данную точку зрения дальше, то вполне определенно можно говорить о том, что в русско-персидской войне 1804–1813 годов, как ни странно на первый взгляд это прозвучит, были заинтересованы и азербайджанские ханы, рассчитывавшие с помощью русских штыков получить больше прав и привилегий, чем было у них при персидском владычестве. Конечно, подобная точка зрения может казаться оскорбительной для современного азербайджанского национального сознания, но это не означает, что она лишена исторической достоверности. Подобное случилось в истории. Так, многие государственные деятели Османской империи единственным источником многовековых российско-османских противоречий и вражды называли крымских татар, призывая своего правителя – султана и падишаха – отказаться от государственного и религиозного сюзеренитета над ними⁶. Подобно тому, как корпус османских янычар сераскера Ибрагима-паши, расквартированный в Феодосии в русско-турецкую войну 1768–1774 годов, не особо стремился защищать чуждые ему интересы последних крымских ханов Девлета IV Гирея и Бахадыра II Гирея⁷,

⁶ См.: *Ресми-эфенди А.* Сок достопримечательного в сущности, начале и важнейших событиях войны, происходившей между Высокою Портою и Россией от 1182 до 1190 год гиджры: Рассказ Ресми-эфендия, оттоманского министра иностранных дел, о семилетней борьбе Турции с Россией (1769–1776) / Пер. с турецкого О.-Ю.И. Сенковского. В кн.: Библиотека для чтения. Т. 124. СПб, 1854. С. 9, 77–78.

⁷ См.: *Неджати-эфенди Э.-М.-А.* Крымская история: Записки Мухаммеда Неджати-эфенди, турецкого пленного в России в 1771–

так и персидские сарбазы армии Фетх-Али-шаха не особо стремились проливать кровь за интересы ханов Адебердина (Азербайджана), а сам шах предоставил своему сыну Аббасу-Мирзе полную свободу решать проблемы своих переменчивых в симпатиях азербайджанских подданных местными силами и средствами, что в итоге и привело к военно-политическому поражению Персии в этой войне.

В уровне цивилизационного развития североазербайджанских ханств в конце XVIII – начале XIX века кроется одна из существенных неявных причин русско-персидской войны 1804–1813 годов. Баку, Гянджа, Нуха, Шамахи, Шуша для своего времени и региона обладали высокоразвитым хозяйством, ремеслом и торговлей, о чем свидетельствует наличие у них в то время собственных денежных систем и монетного производства, и в этом отношении превосходили Персидское государство. Вместе с тем в цивилизационном отношении, в том числе и в смысле политического развития этноса, ханства Северного Азербайджана как минимум на два столетия отставали от стран Европы, которые уже перешли к тому времени в индустриальную стадию своего развития. Если использовать терминологию формационного подхода к периодизации истории человечества, то Европа, вместе с Россией, уже находилась в Новом времени, тогда как Персия и Азербайджан – еще в эпохе Средневековья. Это обстоятельство существенно облегчало Российской империи распространение своего военно-политического господства не только в направлении Кавказа, но и по всей линии соприкосновения с мусульманской ойкуменой – в Северном Причерноморье, на Балканах и в Средней Азии, поскольку не только Персидская, но и Османская империя

1775 г. / Пер. с турецкого В.Д.Смирнова // Русская старина, 1894, № 4. С. 190–194.

конца XVIII – начала XIX века в своем цивилизационном, экономическом и напрямую с ними связанном военно-техническом развитии качественно отставала от европейских государств.

Иными словами, территория современного Азербайджана была обречена на поглощение Россией, как некогда Индия была обречена стать колонией Великобритании, и открытым оставался лишь вопрос о способе такого поглощения – военном или мирном. Как рассудил дальнейший ход исторических событий, переход азербайджанских земель под власть Российской империи имел комбинированный характер – часть ханств перешла добровольно, другая была завоевана малой кровью, не встречая ожесточенного сопротивления и без последующей партизанской войны со стороны местного населения. Фактически мы можем говорить о том, что вхождение территории современного Азербайджана в состав Российской империи носило интеграционно-колониационный характер, когда вооруженное насилие являлось средством устранения тех противоречий с элитами, которые не удавалось разрешить путем переговоров о добровольном переходе под имперскую юрисдикцию.

Отставание Персии и Азербайджана в конце XVIII – начале XIX века в цивилизационном развитии от стран Европы обусловило еще одну неявную, но от этого не менее существенную причину русско-персидской войны 1804–1813 годов. Во второй половине XVIII столетия завершился период свободного расширения основных империй того времени и началось размежевание сфер их геополитического доминирования. Мир оказался объективно поделен на сферы влияния шести основных империй: Австрийской, Британской, Османской, Персидской, Российской и Французской, причем империи эти так или иначе поглотили или

включили в сферы своего геополитического влияния все до этого формально самостоятельные «буферные зоны» в Скандинавии, Прибалтике, германских княжествах, на Балканах, в Северной Африке, на Кавказе, в Северной и Центральной Америке. Словом, состоялся первоначальный раздел мира, после чего человеческая цивилизация вступила в продолжающуюся до наших дней эпоху перманентного передела сфер геополитического влияния, когда на протяжении двух столетий за каждой локальной войной стоят интересы той или иной империи, стремящейся чужими руками ослабить позиции и влияние своего геополитического противника в том или ином регионе. Русско-персидская война 1804–1813 годов стала одной из самых первых войн за передел мира, и в ней за спиной Персии стояли Великобритания и Франция. Конечно же, в начале XIX столетия ни персидский шах Фетх-Али, ни наследный принц Аббас, ни азербайджанские ханы не понимали того, что они являются всего лишь фигурами на шахматной доске большой геополитической игры за мировое господство.

Русско-персидская война 1804–1813 годов стала логическим продолжением начавшегося в 1799 году глобального российско-британского противостояния, первопричиной которого были неурегулированные разногласия из-за острова Мальты, несмотря на его географическую удаленность от Кавказа и Азербайджана. Предыстория этого конфликта достаточно занимательна и достойна того, чтобы рассказать о ней подробнее. Дело в том, что вскоре после восшествия на престол российский император Павел I объявил себя в 1797 году защитником древнейшего духовно-рыцарского ордена Европы – Суверенного экуменического военного Ордена госпитальеров Святого Иоанна Иерусалимского, рыцарей Родоса и Мальты, более известного сегодня как Маль-

тийский орден. Летом 1798 года Мальта без боя сдалась французским войскам Наполеона Бонапарта, в результате чего Мальтийский орден остался без великого магистра и без места, а его рыцари обратились за помощью к российскому императору Павлу I с просьбой о покровительстве в обмен на объявление его великим магистром ордена. 16 декабря 1798 года Павел I был избран великим магистром Мальтийского ордена и сразу же потребовал от Бонапарта освободить Мальту, которая была объявлена «губернией российской империи». Бонапарт отказался удовлетворить претензии российского императора, что спровоцировало вступление России в 1-ю антинаполеоновскую коалицию и во многом вызвало участие корпуса российских войск под командованием генерал-фельдмаршала (впоследствии генералиссимуса) А.В.Суворова в легендарном Итальянском походе 1799 года, завершившемся не менее легендарным переходом через Альпы зимой 1799–1800 года. 5 сентября 1800 года англичане, воспользовавшись поражением войск Наполеона Бонапарта в Египте, заняли столицу Мальты Валлетту, после чего Павел I обратился к британской короне с требованием вернуть под юрисдикцию России «Мальтийскую губернию», но в очередной раз получил отказ. Поскольку Российская и Британская империи находились по разные стороны европейского континента, и по этой причине война между ними была практически невозможна, император Павел I решил 28 февраля 1801 года направить Донское казачье войско в полном составе в карательный поход против британских колоний в Индии, который из-за убийства императора в ночь с 11 на 12 марта 1801 года так и не был завершен⁸.

⁸ См.: *Безотосный В.А.* Наполеоновские планы Павла Петровича // *Родина*, 2008, № 7. С. 56–62; *Краснов П.Н.* Поход в Индию

Известия о намерении русских вторгнуться в Индию весьма обеспокоили британское правительство и способствовали возникновению соперничества между Россией и Британией за внутреннюю Азию, получившего впоследствии название «большой игры» (в британской традиции), или «турнира теней» (в российской традиции), при этом если первый термин все-таки в большей степени относился к борьбе за геополитическую гегемонию в Центральной Азии, то второй более подразумевал противоборство именно в регионе Закавказья⁹. Составной частью «большой игры» со стороны Великобритании стало заключение в Тегеране 12 шабана 1215 года хиджры, то есть 29 декабря 1800 года англо-персидских военного и торгового договоров (британские источники датируют их подписание 4 января 1801 г.), в подписании которых приняли участие от имени Британии капитан Джон Малькольм и от имени Персии первый визирь Хаджи Ибрагим. Хорошо известно, что Дж. Малькольм был послан к Фетх-Али-шаху британскими властями Индии с целью помешать сближению между Францией и Персией и предотвратить возможное использование территории последней в качестве плацдарма для нападения французов на Индию (чего добивалось французское правительство, направившее в Иран еще в 1796 г. миссию

// Русский инвалид, 1900, № 22–23; *Митрофанов А.А.* Русско-французские отношения в зеркале бонапартистской пропаганды. 1800–1801 гг. В кн.: Французский ежегодник 2006. М.: Наука, 2006. С. 184–190; *Шильдер Н.К.* Император Павел I. М.: Вече, 2009. С. 308–312.

⁹ См.: *Леонтьев М.В.* Большая игра: Британская империя против России и СССР. М.: Астрель; СПб: Астрель-СПб, 2012; *Сергеев Е.Ю.* Большая игра, 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2012; *Хопкирк П.* Большая игра против России. Азиатский синдром. М., 2004.

Оливье), а также с целью обезопасить английские владения в Индии от афганского вторжения. Согласно военно-политическому договору, шах взял на себя обязательства послать войска в Афганистан в случае нападения последнего на английские владения в Индии и изгнать французов и впредь не допускать их в Персию. В обмен на выполнение этих обязательств Британия обязалась снабжать Персию военным снаряжением, в случае если она подвергнется нападению со стороны Франции или Афганистана. Данный договор был косвенно направлен и против России, которая считалась союзницей Франции, после того как британские войска захватили Мальту.

Заключение военного союза с Великобританией развернуло Персию, до этого времени нейтральную и даже дружественную, против России, подтолкнув ее к совершению целого ряда недружественных действий, главным из которых стало закрытие российской торговой фактории на острове Ашур-Адэ в Горганском заливе Каспия, известной в истории более под названием Астрабадской. Конечно же, данное действие могло быть продиктовано не только сближением Персии и Великобритании и исполнением первой своих обязательств по торговому договору со второй, но и реакцией на переход правителей Грузии из вассальной зависимости от Персии в подданство России, юридически оформленный 18 января 1801 года манифестом императора Павла I. В ответ на закрытие персидскими властями Астрабадской фактории император Александр I, взошедший на российский престол после убийства своего отца – императора Павла I во время дворцового переворота, издал 19 декабря 1802 года рескрипт на имя Главнокомандующего в Грузии генерал-лейтенанта П.Д.Цицианова об установлении монополии российской морской торговли на Каспии, оставив

азербайджанским ханам возможность иметь исключительно флотилии рыболовецких лодок, причем такая возможность предоставлялась им «не по праву, но по снисхождению к тем провинциям, коим доставляется на них хлеб, и по тому уважению, что киржимы (местное название большой плоскодонной мореходной лодки, приспособленной для прибрежного плавания. – *О.К.*) сии представлялись больше в виде лодок, нежели морских судов»¹⁰.

Как мы видим, для истории Кавказа зима 1800–1801 года имела судьбоносное значение, превратив его в регион столкновения геополитических интересов четырех из шести существовавших в то время империй, в результате чего Персия, подталкиваемая Великобританией, и Россия, подталкиваемая Францией, стремительно понеслись навстречу войне друг с другом, а ее театром военных действий волей судеб стала территория современного Азербайджана. Вполне возможно, не испытай обе страны многовекторного внешнего влияния и даже давления, они смогли бы избежать вооруженного конфликта и договориться путем сравнительно мирного – без искусственного затягивания на целое десятилетие вооруженного конфликта – размежевания сфер влияния на Кавказе через лишение политического суверенитета и административной самостоятельности отдельных ханств, что и произошло впоследствии. Но влияние Британии и Франции сделало свое дело: русско-персидская война началась. При этом земли нынешнего Азербайджана изначально не рассматривались сторонами в качестве приза победителю, скорее это была шахматная доска для участников «турнира теней» или «большой игры», в которой выи-

---

¹⁰ Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею. Т. II. 1868. С. 789.

гравшего ждал куда более лакомый и богатый куш – богатства Индии.

До сих пор актуален вопрос, какое именно событие следует считать началом той войны. Российская историография царского и советского времени не давала на него внятного ответа, при этом косвенно возлагая ответственность за начало боевых действий на персидскую сторону. Из-за этого преобладает мнение, что датой начала войны между Россией и Персией следует считать 10 июня 1804 года, когда персидский шах Фетх-Али, тремя годами раньше вступивший в союз с Великобританией, объявил войну России. Но если смотреть на события того времени беспристрастно, то ответственность за начало боевых действий может быть в равной степени возложена и на Россию: за полгода до того, 3 января 1804 года войска Грузинского корпуса штурмом взяли Гянджу – столицу одноименного азербайджанского ханства, в то время вассального Персидскому шахиншахству. В Санкт-Петербурге и Тифлисе покорение Гянджи рассматривали как очередной шаг российской колониальной политики на Кавказе, логически следующий за присоединением в 1801 году Грузии, не связывая его напрямую с обострением собственно российско-персидских отношений: российская верховная власть и ее администрация на Кавказе воспринимали Гянджинское ханство, согласно европейской традиции (по аналогии с субъектами Священной Римской империи германской нации), как самостоятельное феодальное владение. Но в Тегеране и Тавризе на этот счет существовала диаметрально противоположная точка зрения и захват Гянджи расценивался как акт прямой военной агрессии не только против Персии в целом, но и непосредственно против династии Каджаров, для которых Гянджа являлась родовым (или доменным, в западноевропейской традиции)

владением. Если рассматривать повод к войне между Россией и Персией 1804–1813 годов под таким углом зрения, то войну следует считать сначала российско-каджарской, а уже потом русско-персидской. В этом контексте она в полной мере укладывается в концепцию современной азербайджанской исторической науки о том, что русско-персидская война 1804–1813 годов и завершивший ее Гюлистанский договор прервали естественный путь развития азербайджанской государственности, результатом которого могло стать создание Большого Азербайджана, включавшего в себя не только большую часть Кавказа, но и Южный Прикаспий, то есть современный Северный Иран.

Еще одной неявной, но от этого не менее существенной причиной русско-персидской войны 1804–1814 годов, восходящей к тезису марксистской методологии науки о «роли личности в истории», следует считать происхождение и неразрывно связанные с ним субъективные мировоззренческие взгляды российского Главноуправляющего в Грузии генерала от инфантерии Павла Дмитриевича Цицианова (1754–1806). Он не просто происходил из грузинского княжеского рода Цицишвили (Панаскертели) из Картли, представители которого в 1724 году в свите царя Вахтанга VI переселились в Россию, но и по женской линии находился в родстве с грузинскими царями (в частности, его родственницей была последняя грузинская царица Мариам (Мария) Георгиевна Цицишвили, вторая супруга царя Георгия XII, царица Картли-Кахетии). Известно, что в 1797 году во время похода персидских войск Ага-Мохаммед-шаха Каджара против Грузии были разграблены родовые деревни князей Цицишвили-Цициановых в Мдзовретском ущелье. Таким образом, поход российских войск против Гянджи 1803–1804 годов завершившийся убийством Джавад-хана гянджинско-

го из рода Каджаров и присоединением ханства к России, нес на себе отпечаток родовой мести Цицишвили Каджарам. Это также косвенно подтверждает наш тезис, что изначально та война носила антикаджарский, а не антиперсидский или антиазербайджанский характер. По крайней мере, до убийства князя П.Д. Цицианова 8 (20) февраля 1806 года в окрестностях бакинской крепости Ичери-Шехер фактор мести Каджарам играл существенную роль в мотивации действий командующего российскими войсками на Кавказе.

В Новое время (в европейской исторической периодизации), или в XVIII столетии, многим народам на периферии мусульманской ойкумены приходила в голову идея решать проблему своего национального самоопределения путем союза с соседями-иноверцами, и азербайджанцы в таком стремлении были не одиноки. Так, арабы с помощью англичан и французов отмежевывались от османов в Магрибе, греки, румыны и соседние им славянские народы при поддержке России и Австрийской империи уходили из-под турецкой власти на Балканах, а жители Памира освободились от персидского или афганского владычества при содействии британцев. Это обстоятельство во многом и объясняет, почему современная азербайджанская историческая наука никак не может определиться с оценкой роли, места и значения русско-персидских войн 1804–1813 и 1826–1828 годов, Гюлистанского и Туркманчайского договоров в своей национальной истории.

Ярким примером сложности такого выбора является поляризация позиций нынешних азербайджанских исследователей при определении и формулировании отношения к факту добровольного или почти добровольного перехода на договорной основе в 1805 году ряда азербайджанских ханств: Карабахского, Шекинского, Ширванского, а также

Шурагельского султаната – под власть Российской империи. Сегодня в Азербайджане ставится под сомнение легитимность заключения Кюрекчайских договоров России с Карабахом и Шеки и «Просительных пунктов и клятвенного обещания Мустафы-хана Ширванского при вступлении в подданство России»: утверждают, будто все эти документы были подписаны Ибрагим-ханом карабахским, Селим-ханом шекинским и Мустафой-ханом ширванским только под жерлами русских орудий. Но как тогда объяснить то, что еще до заключения договора о переходе в подданство Российской империи Ибрагим-хан карабахский поднял мятеж против принца Аббаса и вообще Каджаров и исключительно своими силами, без поддержки российских штыков и орудий наголову разбил в 1804 году при Дизане персидское войско, направленное на его усмирение? В первое десятилетие XIX века азербайджанская национальная элита была поставлена перед необходимостью выбирать меньшее из двух зол, и выбрала для себя переход в подданство России как зло меньшее, чем сохранение над собой власти персидских правителей.

Война сквозь призму геополитики

Военные аспекты русско-персидской войны 1804–1813 годов достаточно хорошо известны не только по российским, персидским или азербайджанским, но и по английским или французским источникам и исследованиям, и вряд ли возможно сказать что-то принципиально новое о боевой деятельности сторон в ту кампанию. Вместе с тем мало кто из авторов рассматривал ту войну в контексте мировой геополитики, и изучение ее событий под таким углом зрения в отечественной – российско-советской – исторической науке

не осуществлялось (по крайней мере, в форме работ, открытых для общего пользования). Нам представляется важным заполнить эту лакуну, с тем чтобы понять, насколько существенное влияние эта война оказала на исторические судьбы не только Кавказа, но и евразийского континента в целом.

Русско-персидская война 1804–1813 годов с военной точки зрения была весьма странной войной: боевые действия то велись весьма активно, то вдруг прекращались на основании перемирия, то возобновлялись вновь, то утихали сами собой, то разгорались с новой силой. Ту войну в полной мере можно сравнить с костром, который, будучи однажды зажженным, некоторое время горит интенсивно, но по мере того, как дрова прогорают, постепенно угасает, переходя в тлеющие угли, и разгорается вновь только когда в сумраке ночи неведомая рука из-за пределов круга света, очерченного мерцающими тлеющими угольями, бросает на них свежую порцию дров. Складывается впечатление, что в начале боевых действий ни Персия, ни Россия не предполагали вести друг против друга масштабную войну и воспринимали столкновение как локальный пограничный конфликт, в который оказались втянуты помимо своей воли. Да и о какой масштабной войне со стороны России в 1804 году могла идти речь, если численность Грузинского корпуса Российской Императорской армии по обе стороны Большого Кавказского хребта тогда едва насчитывала 10 тыс. человек. Общее число российских войск на Кавказе по состоянию на 1 мая 1805 года известно с точностью до человека: пехота насчитывала 42 штаб-офицера, 286 обер-офицеров, 755 унтер-офицеров, 326 музыкантов, 6055 рядовых, 883 нестроевых нижних чина; в кавалерии состояло 4 штаб-офицера, 25 обер-офицеров, 57 унтер-офицеров, 15 музыкантов, 485 рядовых, 59 нестроевых; в казачьих полках и командах – 4

штаб-офицера, 29 обер-офицеров, 19 урядников, 5 писарей, 840 казаков¹¹, всего, не считая генералов, – 9888 человек. О какой планомерной агрессии такими силами против региона с многомиллионным населением могла идти речь? Но вопреки воле участвующих в ней сторон война продолжалась целых 10 лет, и этот неопровержимый факт позволяет говорить о том, что посредством ее защищались отнюдь не российские или персидские интересы.

Чтобы адекватно понимать, о чем идет речь, следует сказать несколько слов об устройстве российских войск на Кавказе во время этой войны. По состоянию на 1804 год они были объединены в Кавказскую инспекцию, созданную в рамках военно-административной реформы императора Павла I в 1796 году, – военно-территориальное управление, в компетенции которого находились все вопросы, начиная от обустройства и снабжения войск и заканчивая их боевой подготовкой. Для ведения боевых действий создавалась Действующая армия или армии, разделенные на полевые корпуса, пехотные и кавалерийские дивизии, в состав которых назначались и входили части и соединения, приписанные к разным инспекциям (исключением из этого правила были Кавказская, Оренбургская и Сибирская инспекции, войска которых в действующую армию не назначались и несли гарнизонную и пограничную службу). Таким образом, в войну с Персией с русской стороны вступили части Кавказской инспекции, задачей которых изначально была оборона, а не нападение. Именно эти войска вынесли на своих плечах тяжесть сражений и боев первого этапа той войны (на территории Карабаха и в направлении на Эривань), начиная с ее объявления и вплоть до заключения Узун-Килисского перемирия. Это дипломатическое событие позволило

---

¹¹ См.: *Дубровин Н.Ф. Указ.соч. С. 437.*

реорганизовать в феврале 1807 года войска Кавказской инспекции в 19-ю и 20-ю пехотные дивизии и приданные им 19-ю и 20-ю артиллерийские бригады, приспособив тем самым структуру военного управления и снабжения к условиям наступательной, а не оборонительной войны¹². И только с этого момента можно говорить о начале организованной и целенаправленной военной экспансии России на Кавказе. До того российское владычество распространялось за Большой Кавказский хребет волей Главноуправляющего на Кавказе князя П.Д. Цицианова, главным образом вследствие естественного хода событий внутривосточной жизни региона – если Карабах, Шеки, Шамахи, Шурагель хотели обрести над собой сюзеренитет Российской империи, то получали его. Однако, после того как в 1808 году персы под давлением сначала французских, а затем британских союзников расторгли перемирие и отказались подписать мирный договор, у русского военного командования не оставалось иной альтернативы, как перейти к планомерным завоеваниям на Кавказе для нанесения максимально большего военно-технического урона Каджарам и тем ханам Северного Азербайджана, которые их поддерживали.

Хронологически русско-персидская война делится на два периода – до и после Узун-Килисского перемирия. Первый, неразрывно связанный с именем князя П.Д. Цицианова, характеризуется стремлением русского командования на Кавказе нанести максимальный урон Каджарам, их родственникам и союзникам, а также вовлечь в орбиту российской геополитики в регионе всех противников этой новоявленной шахской династии. Начиная с лета 1804 года и до конца 1806 года российская военная администрация на Кав-

¹² См.: Керсновский А.А. История Русской армии: В 4-х тт. Т. 1. М.: Голос, 1992. С. 184.

казе как бы «поляризует» азербайджанские ханства по четко сформулированному идеологическому принципу: за нас тот, кто против Каджаров; к тем же местным правителям современного Северного Азербайджана, кто не мог четко определиться со своей позицией в этом принципиальном вопросе, применялись различные меры принуждения, вплоть до убийства, как это произошло с Ибрагим Халил-ханом Джеванширом карабахским, но это было вполне в практике того времени (даже российский император Павел I был убит в результате дворцового переворота, субсидированного английским послом в Санкт-Петербурге графом Чарльзом Уитвортом). Если первый этап русско-персидской войны 1804–1813 годов был, условно говоря, «антикаджарским», то второй, начавшийся в 1808 году, стал «антиперсидским», а его задача была определена как последовательное нанесение военно-стратегического и военно-технического поражения Персии и уничтожение или захват того военного имущества, которое поставлялось Персии ее европейскими союзниками – сначала Великобританией, затем наполеоновской Францией, затем снова Великобританией.

События европейской политики оказывали самое непосредственное влияние на динамику русско-персидской войны 1804–1813 годов. Каджары – Фетх-Али-шах и его сын Аббас-Мирза – 10 лет подряд последовательно отстаивали на Кавказе геополитические интересы основных европейских конкурентов России – Британии и Франции. Начиная в июне 1804 года военные действия против России, оба персидских правителя рассчитывали на продолжение британской военно-технической помощи, которая должна была им поступать из колониальных владений Великобритании в Индии в соответствии с условиями политического и торгового договора между двумя странами от 4 января 1801 года.

Он предусматривал поставку вооружения и боеприпасов в персидские войска для обеспечения их участия в отражении возможного нападения афганских племен на британские владения в Индии. Однако все полученное от англичан оружие и снаряжение было обращено Фетх-Али-шахом и Аббасом-Мирзой против кавказских войск России, а когда все ранее полученные средства ведения войны за два года боевых действий у них иссякли и по этой причине было заключено Узун-Килисское перемирие, они вновь обратились за военно-технической помощью к Великобритании. Однако на этот раз в новых поставках вооружения и боеприпасов им было отказано. Британские власти не хотели тратить свои материальные ресурсы на цели, не связанные с обеспечением владычества в Индии.

Тогда Фетх-Али-шах обратился за помощью к императору французов Наполеону Бонапарту, направив к нему своего представителя Мирзу Резу для скорейшего заключения франко-персидского союза. Договор об оборонительном и наступательном союзе был подписан 4 мая 1807 года в лагере Наполеона под Финкенштейном, после чего в Персию прибыла французская военная миссия в составе 70 человек во главе с генералом Гарданом. По приезде Гардана шах ратифицировал договор и одновременно предоставил французам большие торговые льготы, а также широкие права и привилегии. Однако дальнейшему развитию персидско-французского военно-технического сотрудничества помешала геополитика: Наполеон Бонапарт 9 июля 1807 года заключил с Россией Тильзитский мирный договор, после чего отказался помогать правителям Персии в их войне против России, отозвав миссию генерала Гардана. К тому же британская колониальная администрация в Индии также приняла свои меры, чтобы минимизировать французское влияние

в Персии, начав переговоры о возможности возобновления военно-технического сотрудничества Персии и Великобритании. В результате всего этого Персия от Франции не получила ничего. Кратковременное – всего на два месяца – франко-персидское сближение привело к прекращению действия Узун-Килисского перемирия, возобновлению боевых действий, поражению персидской армии при Карабабе и захвату русскими войсками Нахичевани. Кампания 1808 года в очередной раз наглядно показала военно-техническую слабость Персидского шахиншахства и его неспособность вести войну своими силами и ресурсами без поддержки извне. После поражения при Карабабе боевые действия со стороны персов прекратились сами собой и возобновились только через полтора года, как только Фетх-Али-шах и Аббас-Мирза нашли новый источник пополнения своих арсеналов. Им в очередной раз стала Великобритания.

Дело в том, что Тильзитский мирный договор де-юре предусматривал совместные наступательные и оборонительные действия России и Франции против внешних врагов, в число которых в то время входили Великобритания и Персия. Его заключение таило в себе потенциальную угрозу для британского владычества в Индии (Наполеон еще с 1798 г. грезил о походе в Индию), а поэтому в Лондоне было решено подстраховаться и снабдить Персию деньгами и средствами ведения войны для возобновления боевых действий на Кавказе против России, в то время союзницы Франции. Оказание военно-технической помощи было оформлено в заключение договора «о союзе и дружбе», названного обеими сторонами «предварительным», который был подписан в Тегеране 12 марта 1809 года первым визирем Мирзой Мохаммедом Шафи и полномочным посланником Англии бригадным генералом Харфордом Джонсом.

По договору шах обязался порвать отношения с Францией и другими враждебными Великобритания государствами, а она обязалась до окончания войны с Россией выплачивать Персии ежегодную субсидию в сумме 160 тыс. туманов и прислать военных инструкторов и оружие для иранской армии. В соответствии с этим договором в июне 1812 года в Персию прибыл английский генерал сэр Джон Малькольм с 350 британскими офицерами и унтер-офицерами, которые на кораблях доставили в Персию 30 тыс. ружей, 12 орудий и сукно на мундиры для сарбазов¹³. Именно эти люди, вооружение и средства позволили Аббасу-Мирзе организовать последний в русско-персидскую войну 1804–1813 годов поход, который вполне успешно начался взятием в августе 1812 года Ленкорани и Аркивана, но бесславно закончился в октябре при Асландюзе, причем в последнем сражении погибла или была взята в плен значительная часть британских военных советников, в результате чего российской стороне стали известны их имена и воинские чины.

Таким образом, мы с полной уверенностью можем говорить, что и на первом, и на втором этапе этой войны – и до, и после Узун-Килисского перемирия – персидские сарбазы воевали против российских солдат английским оружием и снабжались всем необходимым для участия в военных действиях на британские деньги, а поэтому мы можем считать Великобританию также полноценным участником этого вооруженного конфликта. По сути, война между Россией и Персией 1804–1813 годов стала для Туманного Альбиона первой «дистанционной» колониальной войной, которую он вел, избегая прямого вооруженного столкновения, против

---

¹³ См.: *Kaye J.W. The Life and Correspondence of Major-General Sir John Malcolm, from Unpublished Letters and Journals: In 2 vols. Vol. 2. London: Smith, Elder and Co., 1856. P. 625.*

одного из основных геополитических конкурентов – Российской империи, используя для его военного ослабления чужие вооруженные силы (повторно опыт «мягкого» вмешательства в чужую колониальную войну Британия использует против России в 1904–1905 годах, когда будет поставлять японскому военно-морскому флоту разведывательные данные и новейшие системы управления артиллерийским огнем). Персия, в свою очередь, стремясь восстановить утраченное влияние на Кавказе и воюя против России из последних сил, в реальности защищала отнюдь не свои интересы и совсем не интересы азербайджанского народа, а зорко охраняла с севера Индию – «жемчужину британской короны» (как назвал ее впоследствии британский премьер-министр Бенджамин Дизраэли).

Данное утверждение, при всей своей кажущейся на первый взгляд фантазмагоричности, не лишено здравого смысла. Хотя об этом сегодня не пишут, как не писали и в прошлые десятилетия в советских и российских (даже вузовских) учебниках истории, но в период с ноября 1807-го по июль 1812 года Россия и Великобритания находились в состоянии войны, вызванной заключением франко-русского Тильзитского мирного договора, и имели несколько морских боев в Атлантическом океане, Средиземном, Адриатическом, Баренцевом и Балтийском морях (видимо, из-за того, что обе стороны не имели прямых военных столкновений на суше, о существовании этой войны в России почему-то предпочли «забыть»). В частности, 3 мая 1808 года в южноафриканском порту Саймонстаун англичане задержали российский шлюп «Диана» под командованием В.М.Головина, направлявшийся в Тихий океан для научных работ, 26 августа в сражении в Рогервикском заливе Балтийского моря (в территориальных водах современной Эстонии) по-

топили российский 74-пушечный линейный корабль «Всеволод» и 3 канонерские лодки, 17 мая 1809 года английская эскадра (3 линейных корабля, 4 фрегата и 1 бриг) напала на русский отряд капитана 1-го ранга Бычевского (5 линейных кораблей, 1 фрегат, 2 корвета) в Триесте, но, получив отпор, ушла в море, 12 июня на пути из Ревеля в Свеаборг 44-пушечный британский фрегат «Сальсет» захватил 14-пушечный катер «Опыт» под командованием Г.И.Невельского (список военно-морских инцидентов может быть продолжен). Более того, эта англо-русская война на море спровоцировала другую – сухопутную – войну между Россией и Швецией, завершившуюся присоединением к России в 1809 году по условиям Фридрихсгамского мирного договора Финляндии и Аландских островов на Балтике. По сути, мы можем говорить о том, что персидско-английский Тегеранский договор от 12 марта 1809 года был направлен на организацию и материальное обеспечение южного сухопутного фронта англо-русской войны 1807–1812 годов на Кавказе, подобно тому, как это было проделано годом раньше англичанами в Скандинавии. Поэтому в последствиях русско-шведской 1808–1809 годов и русско-персидской 1804–1813 годов войн есть общая и вполне закономерная логика: за вооруженное отстаивание чуждых им британских интересов против России на сухопутном театре военных действий Швеция расплатилась потерей Финляндии, Персия – Азербайджаном.

Следует отметить, что после заключения Узун-Килисского перемирия Российская империя объективно не нуждалась в продолжении войны на Кавказе, поскольку получила все то и даже более того, на что могла рассчитывать и претендовать в начале этой кампании. Под ее юрисдикцию к концу 1806 года де-юре – в той или иной легитимной

(или сравнительно легитимной) форме – перешли Карабах, Шамахи, Шеки, Шурагель, Баку, Тальши, не говоря уже о Гяндже. Этих территориальных приобретений было вполне достаточно для того, чтобы с полным правом считать эту войну победоносно законченной. Более того, политическая и военно-стратегическая обстановка в Европе настоятельно требовала скорейшего прекращения войны на Кавказе. Поэтому после расторжения Узун-Килисского перемирия мирные переговоры то возобновлялись, то прерывались целых пять (!) раз – сначала в 1810-м, а затем дважды в год в 1812 и в 1813 годах, что лишний раз свидетельствует в пользу нашего тезиса о том, что у той войны помимо Персии и России были и другие участники, не заинтересованные в ее скорейшем прекращении.

О влиянии внешнего фактора говорит и характер боевых действий, которые вела персидская армия во второй период войны, начиная с 1808 года. Принц Аббас не вел организованного наступления с целью захвата и удержания за собой тех или иных ханств современного Северного Азербайджана, все его наступательные действия по своему характеру представляли собой походы или набеги, главной задачей которых было не добиться коренного военно-стратегического преимущества в войне, а лишь сковать силы русских войск и заставить их задержаться на кавказском театре военных действий как можно дольше. Складывается впечатление, что для Фетх-Али-шаха и Аббаса-Мирзы главным делом было собрать новую ополченческую армию, вооружить ее и бросить в бой, ни мало не заботясь о том, к каким последствиям это приведет, и это обстоятельство вполне определенно позволяет говорить о том, что война против России была для них своего рода игрой, самоцелью, а не средством достижения результата. Персидских прави-

телей явно не интересовали качество подготовки и боеспособность собственных вооруженных сил, которые в сравнении с русскими войсками были крайне низки, они явно не желали проводить в этом направлении никаких преобразований, стремясь задавить противника количеством войск. Персия, получая в 1809–1812 годах достаточную военнотехническую помощь от Великобритании, так и не смогла (или не захотела?) провести модернизацию своей армии и сохранила средневековую тактику, основанную на грабительских набегах и угоне в рабство мирного населения. Эти набеги сравнительно легко отражались регулярными российскими войсками, получившими богатый опыт ведения войны такого рода в годы борьбы против Крымского ханства, Османской империи и горцев Северного Кавказа. Для грабежа безоружного населения персидским сарбазам не требовалось ни тактической подготовки, ни боевого слаживания войск, ни воинской дисциплины, а без этих компонентов регулярной организации вооруженных сил сколько-нибудь успешно противостоять войскам российского Грузинского корпуса они не могли.

Самым ярким и достоверным доказательством тому может служить анализ последствий штурма отрядом генерал-майора П.С.Котляревского Ленкорани в ночь на 1 (13) января 1813 года. Известно, что обычно атакующая сторона несет потери в три раза большие, чем обороняющаяся. Перед началом штурма Ленкорани численность русского отряда, включая самого генерала П.С.Котляревского, составляла 1761 человек, из них 6 штаб-офицеров, 57 оберофицеров, 131 унтер-офицер, 37 музыкантов, 1530 рядовых, тогда как численность гарнизона Ленкорани оценивалась в 4000 сарбазов. В ходе штурма русские войска потеряли 341 человека убитыми и 609 ранеными, потери персов состави-

ли 3737 человек убитыми, и это не считая утонувших при бегстве и жителей города¹⁴. Таким образом, потери атакующих русских были в 12 раз ниже, чем потери обороняющихся персов, что, в свою очередь, свидетельствует о том, что боеспособность русских войск была в 36 (!) раз выше, чем персидских. Из сказанного мы вполне определенно можем сделать вывод, что на втором этапе русско-персидской войны боевые действия приобрели характер методичного истребления Каджарами в горниле войны взрослого мужского населения Персидского шахиншахства то ли ради удовлетворения своих честолюбивых амбиций, то ли во исполнение обязательств перед британскими и французскими спонсорамии-союзниками.

Сегодня некоторые азербайджанские историки Аббаса-Мирзу предпочитают воспринимать чуть ли не в образе национального героя, ведущего тотальную – до последней крайности – войну за национальные интересы своего народа. Но был ли он таким на самом деле? Ответ отрицательный, лучшим доказательством чего являются экономические условия заключенных при его непосредственном участии персидско-французских или персидско-английских договоров и их последствия для народа Персии.

Согласно условиям Финкенштейнского договора об оборонительном и наступательном союзе между Персией и Францией от 4 мая 1807 года, известного еще как Каменецкий трактат (Traktat Kamieniecki), шах обязался порвать все политические и торговые отношения с Англией, объявить ей войну, склонить к этому же афганцев и двинуть свою армию на английские владения в Индии, а также пропустить через Иран в Индию французские войска и снабжать их

---

¹⁴ См.: *Соллогуб В.А.* Биография генерала Котляревского. 2-е изд. СПб: Тип. К. Крайя, 1855. С. 230–233.

продовольствием. В соответствии с дополнительной секретной статьей к этому договору, появившейся после прибытия французской миссии генерала Гардана в Тегеран 24 декабря 1807 года, персы уступали Наполеону остров Карек и предоставляли французам право устраивать военные фактории в Гомбруне и Бушире. Иными словами, Фетх-Алишах и Аббас-Мирза впервые в мировой истории разрешили иностранному государству развернуть в своих владениях экстерриториальные военные базы, на которые не распространялась персидская юрисдикция, создав тем самым дипломатический и юридический прецедент, позволивший впоследствии европейским колонизаторам и империалистам практически беспрепятственно распространять свое военно-политическое влияние на другие страны и народы, не подчиняя их формально своему господству. Разве такие действия Каджаров можно считать направленными на защиту национальных интересов персидского или азербайджанского народов?

Однако условия англо-персидских соглашений еще сильнее противоречили задачам сохранения суверенитета Персии на международной арене. В частности, подписанном в Тегеране 29 декабря 1800 года торгового договора с Великобританией Каджары подтвердили и вновь закрепили за английскими и индийскими купцами на территории Персии все те льготы и привилегии, которые были дарованы им Зендами в соответствии с англо-иранским соглашением 1763 года и оформлены фирманом Керим-хана Зенда, изданным 2 июля в Ширазе на имя английской Ост-Индской компании. Фирман предоставлял англичанам ряд важных преимуществ, включая право владения землей для создания укрепленных торговых факторий как в портах Персидского залива (в частности, в Бендер-Бушире), так и в других пунк-

тах Персии, право свободной и беспошлинной торговли с единственным условием, что золото и серебро, вырученные от продажи английских товаров, не будут вывезены из Ирана, а будут обращены на закупку иранских товаров, монопольное право на ввоз шерстяных изделий, освобождение служащих английских факторий от уплаты всяких налогов и податей и др. В результате этого Персия превратилась не только в преференциальный рынок сбыта продукции британской промышленности, но и допустила на свою территорию иностранные военные базы и торговые представительства, создав для них свободные экономические зоны. Фактически Фетх-Али-шах и Аббас-Мирза, отдав ресурсы своей страны в эксплуатацию предприимчивым людям из других стран, заложили основы концессионной экономической политики, которой их потомки на шахском престоле будут придерживаться вплоть до 1925 года, когда династия Каджаров в обстановке внутренней смуты, вызванной иностранным засильем, и внешней интервенции будет свергнута Резой Пехлеви. Но в полной мере последствия политики, заложенной Фетх-Али-шахом и Аббасом-Мирзой, будут окончательно преодолены и искоренены уже в Иране и только после «Революции 1357 года», более известной как Исламская революция 1978–1979 годов, в результате которой была национализирована иностранная коммерческая собственность на территории страны, ликвидированы концессии и все природные ресурсы перешли под юрисдикцию исламского государства. Как видим, народам Персии, впоследствии – Ирана, потребовалось 170 лет на то, чтобы осознать пагубность экономической зависимости от иностранного капитала, заложенной Фетх-Али-шахом и Аббасом-Мирзой Каджарами, и многие тысячи человеческих жертв, чтобы сбросить это ярмо со своей шеи. Интересно,

какая судьба была бы уготована современному Азербайджану и его народу, если бы в войне 1804–1813 годов верх одержали тщеславные и совсем не прозорливые Каджары, а не храбрые российские войска?

Закулисье Гюлистанского мира

Гюлистанский договор не был актом свободной воли России и Персии, положившим конец их взаимной вражде. Во многом он был навязан извне и явился результатом внешнеполитической деятельности Британской империи, роль которой в событиях русско-персидской войны 1804–1813 годов была чрезвычайно велика. Как известно, Гюлистанский договор был заключен при посредничестве посла и полномочного министра Великобритании при персидском дворе сэра Гора Оусли, или Узли, который в июне 1812 года встретился в Тавризе с Аббасом-Мирзой и заставил наследного персидского принца начать очередные мирные переговоры с Россией. На тот момент Великобритании было невыгодно продолжение войны на Кавказе, поскольку между нею и Россией полным ходом шли переговоры о заключении мира (окончании той «забытой войны», о которой мы говорили выше), и вскоре – 18 июля 1812 года – в городе Эребру, или Оребро (Швеция) мирный договор был подписан. Под давлением британского посла Аббас-Мирза начал переговоры о мире, но после вторжения Наполеона в Россию и захвата им Москвы отозвал мирные инициативы. Отказ Аббаса-Мирзы от мирных переговоров означал немедленное возобновление российскими войсками боевых действий, что привело к полному разгрому персидской армии в двухдневном сражении на Асландюзских бродах 19–20 октября 1812 года. После этого мирные переговоры были

вновь возобновлены. Чтобы «поторопить» персов с окончанием войны, в конце декабря против Талышского ханства через Муганскую степь был направлен отряд генерал-майора П.С. Котляревского, который в ночь на 1 января 1813 года штурмом взял Ленкорань, перебив втрое превосходящий его по численности гарнизон. Финальную же точку в деле принуждения Фетх-Али-шаха и Аббаса-Мирзы к миру поставил полковник Тифлисского пехотного полка А.Б. Пестель, разгромивший со своими солдатами 30 марта 1813 года при селении Карабюк на границе Нахичевани и Эривани отряд эриванского сердара Гусейн-хана – последнее боеспособное соединение персидской армии на Кавказе. И только после этого Аббас-Мирза был окончательно вынужден направить своих представителей под присмотром британского посла в Тегеране сэра Гора Оусли для предварительных переговоров по подписанию мирного договора.

Британскому дипломату сэру Гору Оусли принадлежала исключительная роль в определении содержания текста этого международно-правового документа. Он являлся, наверное, лучшим специалистом по Персии среди британского дипломатического корпуса, несколько лет состоял переводчиком при персидском поселе в Лондоне Мирзе-Абул-Хассане, а 10 марта 1810 года был назначен экстраординарным послом и полномочным министром Англии при персидском дворе, после чего 18 июня с женой, братом Вильямом, английской миссией и Мирзой-Абул-Хассаном покинул Англию и в апреле 1811 года достиг Шираза. В ноябре 1811 года сэр Гор Оусли прибыл в Тегеран и был представлен Фетх-Али-шаху. 14 марта 1812 года после долгой дискуссии с Фетх-Али-шахом ему удалось убедить шаха подписать договор с Великобританией, за что тот наградил его орде-

ном Льва и Солнца с алмазами¹⁵. В августе и сентябре 1812 года Кавказский генерал-губернатор Н.Ф.Ртищев дважды направлял к Аббасу-Мирзе парламентаров – сначала майора Попова и надворного советника В.И.Фрейганга, затем командира 19-й пехотной дивизии генерал-майора Ф.И.Ахвердова – с предложением возобновить мирные переговоры, но оба раза англо-персидские представители – Мирза Абд-уль-Касим, сэр Гор Оусли и Роберт Гордон – отвергли их, потребовав безоговорочного ухода России из Закавказья¹⁶. Но в это самое время в Тавриз пришло известие о заключении между Россией и Великобританией Эрзбруского мирного договора, и позиция сэра Гора Оусли изменилась на диаметрально противоположную, превратившись из антирусской в русофильскую. Он стал с типичной британской настойчивостью и упорством требовать от Аббаса-Мирзы мира, как до того требовал от него войны, желая при этом Персии поражения в переговорах не меньше, чем желал его России на поле боя. Для этого он лично поехал в Тифлис, чтобы встретиться с Н.Ф.Ртищевым и обсудить с ним условия мира, которые затем будут навязаны персидскому шахскому двору. Позже такую тактику британской дипломатии министр иностранных дел и премьер-министр лорд Генри Джон Темпл Пальмерстон так охарактеризует в своей речи в Палате общин 1 марта 1848 года: «У Англии нет ни постоянных союзников, ни постоянных врагов, у Англии есть постоянные интересы».

Именно сэр Гор Оусли сформулировал основные принципы Гюлистанского мира, базовым из которых стал Status

¹⁵ См.: *Price W. Journal of the British Embassy to Persia, embellished with numerous views taken in India and Persia, also, a Dissertation upon the Antiquates of Persepolis.* London, 1825. P. 84–86.

¹⁶ См.: Утверждение русского владычества на Кавказе: 1801–1901. Т. 2. С. 426, 428

quo ad praesentem – установление границ по линии оккупации. В результате Персия признала переход к России Дагестана, Картли, Кахети, Мегрелии, Имеретии, Гурии, Абхазии и части современного Азербайджана – Бакинского, Карабахского, Гянджинского, Ширванского, Шекинского, Дербентского, Кубинского и части Талышского ханства. За услугу, которую он оказал России на дипломатическом поприще, готовя текст мирного договора между Россией и Персией, сэра Гор Оусли летом 1814 года в Санкт-Петербурге, куда он прибыл по пути из Тегерана в Лондон, был удостоен аудиенции у императора Александра I, во время которой российский монарх наградил его орденом Св. Александра Невского и пожаловал золотой табакеркой, украшенной бриллиантами, с собственным портретом. Помимо этого британский баронет был избран почетным членом Санкт-Петербургской академии наук и получил благодарность от Государственной коллегии Министерства иностранных дел¹⁷. В 1825 году в Лондоне вышла книга Вильяма Прайса, секретаря и переводчика посольства сэра Гора Оусли в Персии «Журнал английского посольства в Персии» («Journal of the British Embassy to Persia, embellished with numerous views taken in India and Persia, also, a Dissertation upon the Antiquates of Persepolis, by William Price»), в которой он открыто и честно описал все перипетии и хитросплетения дипломатического закулисы русско-персидской войны 1804–1813 годов и те усилия, которые прилагала Великобритания сначала по ее разжиганию, а затем по умиротворению. Как мы видим, в Британии не делали секретов из своих дипломатических побед, чего нельзя сказать о России во все периоды ее истории...

---

¹⁷ См.: Price W. Op. cit. P. 112, 114.

Несмотря на свою исключительную роль в деле заключения Гюлистанского мира сэр Гор Оусли оставался в большей степени «техническим исполнителем» дипломатических и военно-политических задач, которые во всем их многообразии поручал ему решать настоящий творец британской внешней политики в Передней Азии в то время сэр Роберт Стюарт, виконт Каслри, маркиз Лондондерри, британский военный министр и министр по делам колоний в 1807–1812 годах, министр иностранных дел Великобритании в 1812–1822 годах. Именно с его именем в британской истории связана идея ведения военных действий против Наполеона Бонапарта и его союзников силами третьих стран, сберегая тем самым людские ресурсы Великобритании и развивая ее военную промышленность. Для достижения связанных с этим задач он не стеснялся отдавать приказы на проведение военных провокаций и на начало боевых действий без предварительного объявления войны, самой известной среди которых стала англо-датская война, длившаяся с 14 августа по 21 сентября 1807 года. Миссия Гора Оусли также всецело была его инициативой, он же отдавал приказы на поставку британских вооружений армии Каджаров, он же распорядился кардинально пересмотреть отношение к России на кавказском театре военных действий после подписания Эрзбруского мирного договора между Россией и Великобританией в июле 1812 года.

Р. Стюарт и Г. Оусли были истинными британскими дипломатами, а потому они составили предварительный текст Гюлистанского договора таким образом, чтобы в будущем имелась возможность пересмотреть итоги русско-персидской войны 1804–1813 годов. Дело в том, что ст. 4 договора относила окончательное решение вопроса об установлении границы между Россией и Персией на Кавка-

зе на усмотрение двусторонней комиссии по пограничной демаркации, не определяя при этом ее состава и сроков завершения работы. Российская администрация на Кавказе в лице генерал-лейтенанта Н.Ф. Ртищева, произведенного за заключение мира в генералы от инфантерии, не могла не заметить этой «мины замедленного действия», но ничего не могла ей противопоставить, поскольку объективно не имела в своем распоряжении достаточного количества войск, способных к продолжению войны (в 1813 г. каждый русский пехотный полк на Кавказе насчитывал в своем составе по 200–250 штыков при 10–15 офицерах). Персидская сторона, лишенная на время из-за событий в Европе британской военно-технической помощи, также не имела сил и средств для продолжения войны, а потому должна была удовлетвориться наличием в договоре положений, предполагающих реальную возможность обострения в будущем пограничных противоречий и превращения их в случае необходимости в *casus belli* – повод для объявления состояния войны. Таким образом, вполне определенно можно утверждать, что Гюлистанский договор в 1813 году только остановил войну на Кавказе, но не принес в этот регион мир.

Деятельность российско-персидской комиссии по демаркации границы была завершена только в 1818 году благодаря миссии командующего Кавказского корпуса генерала от артиллерии А.П. Ермолова в Тавриз, и только после этого текст договора был официально опубликован. Все предыдущие четыре года Персия, поддерживаемая Великобританией, вела дипломатическую борьбу за пересмотр его условий, настаивая на возвращении к границам 1801 года. Иными словами, Фетх-Али-шах и Аббас-Мирза Каджары были готовы отдать России территорию современной Грузии, но в обмен вернуть под свою юрисдикцию земли ны-

нешнего Азербайджана. Однако в лице А.П. Ермолова, генерала, чье имя было прославлено на полях сражений всех антинаполеоновских войн, персидская и стоящая за ее спиной британская дипломатия нашли ярого поборника российских интересов на Кавказе. Только в силу этого граница зоны российской оккупации не сдвинулась к северу ни на метр. В результате самые негативные последствия Гюлистанского мира испытало на себе бывшее Талышское ханство, оказавшееся разделенным надвое между Персией и Россией: его северная часть с Ленкоранью вошла в состав российских владений, в южная часть с Астарой осталась за Персией¹⁸.

Взаимные территориальные претензии и пограничные споры между Россией и Персией были выгодны Великобритании, которая, воспользовавшись ими, продолжала расширять и усиливать свое влияние на Каджаров. Зримым проявлением и результатом этого процесса стало заключение в Тегеране 25 ноября 1814 года очередного англо-персидского договора, на этот раз «о вечном мире». В основу его текста был положен «предварительный» договор от 12 марта 1809 года. По его условиям Фетх-Али-шах и Аббас-Мирза Каджары принимали на себя обязательство аннулировать договоры и союзы со всеми враждебными Британии европейскими государствами; не пропускать через территорию Персии в Индию войска европейских держав; принудить правителей Хорезма, Бухары и Самарканда не пропускать в Индию войска европейских государств через их территории; послать персидские войска на помощь англичанам, в случае если между Афганистаном и Британской Индией

---

¹⁸ См.: Обзорение российских владений за Кавказом в статистическом, этнографическом, топографическом и финансовом отношениях: В 3-х тт. Т. 3. СПб: Тип. Департамента уделов, 1836. С. 175–176.

возникнет война; приглашать военных инструкторов для своей армии только из Англии или из дружественных ей стран. В свою очередь Великобритания обязывалась в случае нападения на Персию какой-либо европейской державы (такой страной в силу географического положения могла быть только Российская империя) оказать ей помощь присылкой войск из Индии или выплатой ежегодной субсидии в размере 200 тыс. туманов; добиться пересмотра русско-персидской границы, установленной Гюлистанским договором; не вмешиваться во внутренние дела Персии и не занимать какие бы то ни было части ее территории; не вмешиваться в войну между Персией и Афганистаном в случае ее возникновения. Как легко заметить, англо-персидский договор «о вечном мире» 1814 года имел ярко выраженную антироссийскую направленность и исходил из стремления британского министра иностранных дел Р. Стюарта держать Россию как можно дальше от границ Британской Индии. По сути, в первой четверти XIX века британский истеблишмент мало интересовали российско-персидские противоречия или исторические судьбы ханств Северного Азербайджана – он был обеспокоен безопасностью богатств своих индийских колоний, которые должны были подвергаться эксплуатации во имя мирового господства британской короны. И в этом – вся суть закулисы Гюлистанского мира.

200-летие заключения Гюлистанского договора – хороший повод для того, чтобы попытаться переосмыслить место этого документа и событий, предшествующих его подписанию, в исторических судьбах азербайджанского народа. Резюмируя приведенные выше факты и доводы, мы не будем опускаться до рассуждений о том, кем были Каджары – азербайджанскими или автохтонными персидскими прави-

телями современного Ирана. Сегодня, 200 лет спустя, глупо и бессмысленно заниматься ретропрогностикой и создавать альтернативные модели развития мировой или региональной истории, задаваясь вопросом: что могло быть, если бы Персия с помощью Великобритании в 1812 году вдруг победила Россию и вышла на рубеж Большого Кавказского хребта? История, как известно, не знает сослагательного наклонения. Поэтому сегодня российским и азербайджанским историкам, призвав на помощь английских, иранских и французских коллег, следует объединить усилия и написать историю русско-персидской войны 1804–1813 годов такой, какой она была реально, а не той, какой бы ее кто-то хотел видеть. И если начинать такую работу, то следует признать неоспоримыми следующие факты.

Сегодня мы вполне объективно можем говорить, что русско-персидская война 1804–1813 годов являлась закономерным продолжением и следствием процессов и тенденций европейской геополитики начала XIX столетия, причем ее питательной средой была колониальная политика, которую Великобритания проводила на Индостане и в отношении сопредельных с ним государств Центральной Азии. Фактически Персия вела 10-летнюю войну против России, не отстаивая свои азербайджанские владения на Кавказе, а верно охраняя британские интересы в Индии. Азербайджан и азербайджанцы мало интересовали Российскую или Британскую империи, которые конкурировали между собой в разрушении или сохранении монополии на распоряжение богатствами Индостана. Персия для них являлась той дверью, которая открывала или закрывала кратчайший сухопутный путь из Европы в Индию, Британия хотела держать его наглухо закрытой, Россия – всеми силами открыть ее, используя в качестве отмычки недовольство многих азер-

байджанских ханов (карабахского, ширванского, талышского) политикой, проводимой в землях современного Азербайджана наследным принцем Аббасом, который так и не дожил до статуса полноценного монарха и всю жизнь стремился вырваться из тени отца.

Аббас-Мирза был самой трагической личностью той войны, стремившейся доказать всем, и в первую очередь себе, собственную значимость и могущество, на самом деле не обладая ни тем, ни другим. Он был готов бесконечно «играть в войну» против России, невзирая на здравый смысл и доводы разума, не ограничивая себя моральными рамками, не заботясь о персидских национальных интересах, даже ценой создания внутри своих владений экстерриториальных иностранных военных баз (впервые в мировой истории!) или передачи под управление англичан или французов самых выгодных отраслей экономики и торговли страны. Бессмысленная война с Россией разрушила экономику страны настолько, что у Персии реально не было ни средств, ни оружия, ни сукна для мундиров солдат, а сама она более чем на полтора века оказалась в полной хозяйственной зависимости от европейских (в первую очередь британских) концессий. Чтобы окончательно уничтожить это наследие Каджаров и наконец-то освободиться от иностранного экономического засилья, иранскому народу пришлось совершить Исламскую революцию 1978–1979 годов. Фетх-Али-шах и Аббас-Мирза лично ответственны за то, что Персия потеряла не только земли Северного Азербайджана, но и экономическую самостоятельность. Главный итог русско-персидской войны 1804–1813 годов, формальным победителем в которой оказалась Российская империя, состоит в том, что всю выгоду от торжества ее оружия извлекла для себя Великобритания.

В той войне ведущие игроки того времени на территории современного Азербайджана разыгрывали в регионе новую геополитическую игру пренебрегая интересами и предпочтениями местного населения. Никто не отрицает, что в результате войны азербайджанский народ стал разделенным народом, но ответственность за это не следует возлагать на одну только Россию. Ответственность за это может быть только коллективной, и в исторической ретроспективе ее должны нести не только Москва и Санкт-Петербург, но также Тегеран и Тавриз, Лондон и Дели, не говоря уже про Шушу, Шамахи, Нуху и Ленкорань.

Есть еще один аспект, связанный с 200-летием подписания Гюлистанского договора, который не должен выпадать из поля зрения, в первую очередь, международного сообщества. Мирный договор между Россией и Персией получил свое название по месту подписания – урочищу Гюлистан, расположенному на территории современного Геранбойского района Азербайджана. Сегодня в непосредственной близости от него проходит линия соприкосновения вооруженных сил Азербайджанской Республики и вооруженных формирований сепаратистов Нагорного Карабаха, что исключает возможности проведения на месте подписания договора каких бы то ни было памятных мероприятий. Поэтому Гюлистанский мир сегодня является напоминанием сразу о двух вооруженных конфликтах: о том, который закончился 200 лет назад, и том, который продолжается вот уже более 20 лет.

Нагорно-карабахский конфликт: «столкновение цивилизаций»?

Как теория Самюэля Хантингтона объясняет
культурологическую суть конфликта вокруг
Нагорного Карабаха

Самюэль Филлипс Хантингтон (1927–2008), безусловно, относится к числу выдающихся обществоведов и политических мыслителей Новейшего времени. Его теоретический вклад в понимание современных геополитических процессов огромен. Разработанная и обоснованная им теория «столкновения цивилизаций», концепция которой изначально была сформулирована им в статье «The Clash of Civilizations?», опубликованной в 1993 году в американском политологическом журнале «Foreign Affairs»¹ (на русском языке – «Столкновение цивилизаций»²), а затем систематически переработанная и оформленная в историко-философском трактате «The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order»³ («Столкновение цивилизаций и преобразо-

---

¹ См.: *Huntington S.P.* The Clash of Civilizations? // *Foreign Affairs*, Summer 1993, Vol. 72, No. 3. P. 22–49.

² См.: *Хантингтон С.Ф.* Столкновение цивилизаций? // *Полис*, 1994, № 1 [<http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2007/2498>].

³ См.: *Huntington S.P.* The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. New York: Simon & Schuster, 1996.

вание мирового порядка»), увидевшем свет в 1996 году (на русском языке книга вышла в 2003 г. под названием «Столкновение цивилизаций»⁴), представила идеальную модель и реальную возможность для полноценного осмысления и непредвзятого осознания истоков, сути и перспектив развития абсолютного большинства региональных (локальных) войн и конфликтов последней четверти XX века, к которым относятся и нагорно-карабахский конфликт.

Как ни странно, за четверть века открытого противостояния Армении и Азербайджана на землях Нагорного Карабаха и прилегающих к нему районов политологи двух враждующих стран и наций так и не удосужились применить теорию Хантингтона при анализе истоков, природы и возможных последствий данного конфликта с позиций цивилизационно-культурологического подхода, хотя имели для этого все возможности. По крайней мере, нам не известно ни одного политологического исследования (не говоря уже о диссертационной работе) такого рода, изданного в последние два десятилетия на русском языке, которое в контексте теории Хантингтона отражало бы позицию армянской или азербайджанской стороны относительно карабахской войны 1991–1994 годов и последовавших за ней событий в этом регионе. По нашему мнению, такое положение дел может быть объяснено двояко: или ни у одной из сторон за все это время так и не нашлось человека, способного осуществить такой анализ, или сделанные в ходе подобной работы выводы оказались такими «неудобными» для каждой из сторон, что их по соображениям политического престижа государства нельзя было обнародовать.

Тем не менее, мы постараемся заполнить эту лакуну...

---

⁴ См.: Хантингтон С.Ф. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003.

Нагорный Карабах: «война на линии разлома»

Думаю, что ни у кого не вызывает сомнения тот факт, что нагорно-карабахский конфликт – это конфликт двух антагонистичных цивилизаций: армянской и азербайджанской, – хотя радикальные представители армянской националистически настроенной интеллигенции сегодня активно оспаривают подобную точку зрения, отказывая азербайджанскому этносу в праве на национальную самоидентификацию как самобытному социальному организму и именуя его «кавказскими турками». Такая точка зрения в принципе не нова и во многом перекликается с позицией официальных властей Российской империи столетней давности, отказывавшихся на рубеже XIX и XX столетий видеть в азербайджанцах самостоятельный этнос и упорно именовавших его представителей не иначе как «закавказскими татарами». Собственно, сам факт отказа частью армян азербайджанскому этносу в праве на самостоятельное существование как раз и является самым лучшим доказательством того, что противостояние двух народов носит ярко выраженный цивилизационный, или культурно-идеологический, а не социально-экономический и государственно-политический характер.

В терминологии С.Ф. Хантингтона нагорно-карабахский конфликт является «войной по линии разлома». Характеристике таких конфликтов посвящены 10 и 11 главы его трактата. От себя добавим, что по многообразию причин и множественности отправных точек данный конфликт превосходит все остальные локальные конфликты и вялотекущие региональные войны современности (например, многолетнее противостояние между христианами юга и му-

сульманами севера Судана или столь же продолжительное арабо-израильское противостояние на Ближнем Востоке). Глубина «линии разлома» между сторонами конфликта в Нагорном Карабахе несопоставима с той, которая бывает свойственна стереотипному межгосударственному или межнациональному конфликту, к числу которых вполне могут быть отнесены Афганская война СССР 1979–1989 годов, англо-аргентинская (Фолклендская) война 1982 года или даже операция многонациональных коалиционных сил в Персидском заливе против Ирака «Буря в пустыне» 1991 года: разлом много глубже, чем может показаться на первый взгляд, а сам конфликт определяется ни одним или двумя, а гораздо большим числом факторов, о которых речь пойдет ниже.

В основу своей теории Хантингтон положил тезис о том, что главной движущей силой межцивилизационных конфликтов в ближайшие десятилетия станет религиозный фактор. В этом он отчасти прав, но только до той поры, пока сравнивает нынешнее «столкновение религий» с предшествующей ей эпохой «столкновения идеологий» второй – четвертой четвертей XX столетия, но не более. Глобальные религиозные войны в истории человечества присутствовали всегда и чаще всего проходили по линии противостояния мира христианства и мира ислама (сюда относятся и крестовые походы XI–XV вв., и Реконкиста в Испании VIII–XV вв., и войны османов в Южной и Восточной Европе XIV–XVII вв.). Однако это не означает, что в межгосударственных войнах внутри христианской или исламской цивилизаций религиозный фактор отсутствовал напрочь: в частности, крещение прибалтийских народов в XIII веке имело характер крестового похода, военные набеги шведских и тевтонских рыцарей против областей Северо-Западной Руси 1240–1242 годов несли на себе православно-католическое

противостояние за гегемонию в восточной Прибалтике, войны эпохи Реформации в Европе между католиками и протестантами продолжались с перерывами более века, война за право халифата между персами и османами также велась несколько десятилетий. Религиозный подтекст или религиозная окраска войн в целях маскировки экономических претензий всегда присутствовали в истории человечества, поэтому мы не можем сводить суть нагорно-карабахского конфликта к одной только религиозной войне армян-христиан против своих исконных врагов турок-мусульман, как это делают идеологи армяно-азербайджанского противостояния из числа активистов АРФ «Дашнакцутюн», относя к числу последних и всех азербайджанцев.

Восприятию нагорно-карабахского конфликта как сугубо христианско-мусульманского религиозного противостояния существенным образом мешают два обстоятельства, осознание и понимание которых существенным образом определяет и характеризует глубинные истоки цивилизационного армяно-азербайджанского противостояния.

Во-первых, с момента своего провозглашения в 1918 году Азербайджанская республика всегда позиционировала себя как светское государство, опередив в этом не только Турецкую республику, но и остальные страны исламской ойкумены. Мусульманский религиозный фактор в жизни Азербайджана и азербайджанцев на протяжении всего XX столетия если и играл какую-то роль, то скорее культурологическую, а не политическую, и потому не мог оказывать влияния на государственную жизнь этноса. Как следствие, современный азербайджанский вариант светского «неполитического» ислама характеризуется лояльностью, толерантностью и полной неконфликтностью с иными религиями и культурами, что качественно отличает его от «арабско-маг-

рибского» политического ислама, являющегося в последние десятилетия источником войн, насилия и ненависти на Ближнем Востоке, в Северной Африке, а в последние годы – и в странах Западной Европы.

Во-вторых, армянский этнос на протяжении последних ста лет также создавал свою страну в ее нынешнем виде отнюдь не на религиозных канонах официально декларируемого монофизитского христианства, чаще обращаясь к языческим корням своей национальной ментальности. В середине XIX столетия культы языческих божеств Ваагна, Мигра, Анагиды и легендарного прародителя армян Айка, заключившего завет с верховным божеством Аром, от которого получил жезл власти и силы, в духовной и общественной жизни армянского этноса мирно соседствовали и уживались с близкой по атрибутике христианской армяно-григорианской религиозной обрядовостью, что нашло свое отражение в трудах многих российских историков и этнографов, писавших в то время о Кавказе⁵. Это объясняется тем, что на всем протяжении времени рассеяния армян в мусульманской ойкумене Армянская Апостольская Церковь традиционно играла роль административного инструмента во взаимоотношениях армян с властями титульных народов стран их проживания, была частью установленного миропорядка и де-факто поддерживала зависимое положение армян от мусульманских народов. В силу этого обстоятельства она объективно не могла быть не только революционной, но даже сколько-нибудь эволюционной движущей силой процесса армянской национальной самоидентификации – та должна была строиться на принципиально отличных от армяно-григорианской религиозной идеологии началах.

---

⁵ См., например: *Дубровин Н.Ф.* История войны и владычества русских на Кавказе. В 8-ми тт. Т. 2. СПб, 1871. С. 409–410.

Политическое самопознание и самоопределение армян в конце XIX и на всем протяжении XX столетия формировалось на основе традиционалистского язычества или неоязычества, но никак не христианской морали и этики. Особенно интенсивно этот процесс происходил в годы советской власти, и не без поддержки со стороны властных структур Армянской ССР, для которых легенды о «Великой Армении», «Древнеармянском царстве», «Армянском государстве Урарту» и иные измышления, не имеющие под собой научной доказательной базы, были не чем иным, как козырными картами в идеологической борьбе с идеологами армянской диаспоры в странах буржуазного и «третьего» мира. Для них Советская Армения представляла собой реинкарнацию «Великой Армении», центр притяжения армянства всего мира. Учитывая антиклерикальный характер государственной идеологии СССР и АрмССР, Армяно-Григорианская Церковь при советской власти в принципе не могла играть роль идеологического центра объединения армянского этноса, а поэтому в качестве архетипической подосновы идеологии объединения армян мира под красным флагом Союза ССР «разрешенно» могли использоваться только языческие легенды и мифы предков современных армян или протоармян, точки зрения социальной эволюции человеческой цивилизации, соответствующие архетипам общественной идеологии периода родоплеменных отношений⁶. Оттого религиозная «линия разлома» между армянами

---

⁶ Предполагая, что данное утверждение может вызвать негативную реакцию со стороны армянской научной общественности, следует сразу же дать ему дополнительный комментарий: античный мир Юго-Восточной Европы и Передней Азии, равно как и эллинистический мир Средиземноморья, имели ярко выраженное языческое мировосприятие, что не помешало создать на его социальной основе первые империи мира – начиная от Македонского царства Александ-

и азербайджанцами в нагорно-карабахском конфликте гораздо более глубокая и непреодолимая, чем может показаться на первый взгляд, так как пролегает она не на религиозном или конфессиональном, а на ментально-мировоззренческом уровне.

Следовательно, вполне определенно можно говорить о том, что интеллектуальный базис идеологического компонента нагорно-карабахского конфликта лежит не в плоскости исламско-христианских противоречий, а в глубинных пластах миропонимания, выходящих за рамки канонической традиции основных мировых религий современности. В основе политической идентичности современного армянского этноса лежат отнюдь не нравственные законы и каноны армяно-григорианского исповедания, а легенды и мифы дохристианского времени. Чтобы убедиться в этом, достаточно посмотреть материалы и оформление электронных интернет-ресурсов, создаваемых в контексте армянского Интернационала или, Ай Дата, и находящихся под идеологическим влиянием экстремистских лозунгов Армянской революционной фракции «Дашнакцутюн». В Рунете – русскоязычном сегменте Интернета – типичным образчиком такого рода ресурсов является сайт www.k4500.com, работающий под лозунгом «Знать! Уметь! Сметь!», введенном в

ра Филиппа и заканчивая Римской империей Августа Цезаря и Октавиана Августа. Язычество на ранних этапах развития человеческой цивилизации являлось такой же государствообразующей идеологией как впоследствии христианство и ислам. Даже святой равноапостольный князь Владимир – великий князь Киевский Владимир Святославович – незадолго до крещения Руси в 988 году предпринял попытку создания единого Древнерусского государства на языческих мировоззренческих основах, установив для восточных славян в 980 году единый (канонический) пантеон богов, начиная от Перуна и заканчивая Симарглом.

практику политической деятельности АРФ «Дашнакцутюн». Там нет ни слова о Христе, Его жертве на кресте во имя спасения человечества, Евангелии, христианстве вообще, а основной смысловой акцент даже в визуализации делается на Аре – божестве-творце мира, Ваагне – армянском божестве мощи и войны, Айке – прародителе армян, получившем от Ара жезл власти, и на битве между Айком и Бэлом, царем Вавилона, состоявшейся 11 августа 2492 года до н.э. на восточном берегу озера Ван, Вайоцдзоре. Все это позволяет нам вполне уверенно говорить о том, что политическое самосознание современного армянского этноса крайне удалено от публично декларируемого общехристианского или армяно-григорианского религиозного самосознания.

Из сказанного можно сделать следующий вывод: или армяне на протяжении всей своей истории никогда не были христианами в каноническом понимании данной дефиниции, и Армянская Апостольская Церковь на протяжении всей истории своего существования являлась лишь ширмой для сокрытия от глаз мусульман (а с XIX столетия – еще и православных) исконного национального язычества, или политически активная и экстремистски настроенная часть современного армянского народа, разочаровавшаяся в способности этой церкви воплощать в себе и выражать в полном объеме духовные запросы и чаяния этноса, обратилась в неоязычество, стала апеллировать к языческим архетипам национального самосознания, формируя на их основе свою политическую идеологию. Мы не можем гарантировать полную достоверность того или иного тезиса, так как каждый из них имеет свою систему аргументации. Но если верен второй, то обращение к идеологии неоязычества свидетельствует о крайней степени психологической агрессивности нынешнего политического истеблишмента

армянского этноса, сравнимой с той, которая была свойственна нацистскому руководству Третьего рейха в 1930-х годах, но с той только разницей, что коллективно детерминированным объектом агрессии для нацистов выступали евреи, а для армян – турки (даже азербайджанцев идеологи современного армянского национализма именуют не иначе как «кавказскими турками»). В связи с этим озабоченность вызывает не факт того, что армяне все более впадают в неоязычество (к сожалению, данная тенденция свойственна многим народам современности), а та экзальтация, с которой они делают это и которая уже была в новейшей истории (примером чего является ходжалинская резня) и может стать вновь причиной новых геополитических потрясений.

Армянский бог мощи и войны Ваагн, культ которого сегодня доминирует и активно культивируется во внутрипартийной идеологии АРФ «Дашнакцутюн» и неразрывно с ней связанного Ай Дата – всемирного армянского Интернационала, по своему написанию и произношению тождественен общесемитскому Баалу, в христианской традиции – брату Сатаны, отпавшему вместе с ним от Бога-Отца. Если рассматривать армянское неоязычество в таком контексте, то нагорно-карабахский конфликт приобретает с культурологической точки зрения вполне эсхатологические черты, вплоть до предтечи Страшного суда, и в этом конфликте азербайджанская сторона (опять же с позиции христианской или исламской метафизики) является стороной Света, тогда как армяне олицетворяют собой сторону Зла. Однако вполне возможна и диаметрально противоположная интерпретация метафизических истоков армяно-азербайджанского противостояния с позиции мировосприятия армянского язычества, в контексте которого все мусульмане отождествляются с вавилонским тираном Бэлом, убитым Айком, прародите-

лем армян (что в общих чертах соответствует фабуле и контексту ветхозаветной истории о сотворении и разрушении Вавилонской башни). В этом случае мы также сталкиваемся с метафизикой на грани эсхатологии, но со сменой полярности знаков: армяне олицетворяют собой Свет, а турки и азербайджанцы – Тьму.

Как бы то ни было, но если учитывать этот аспект, то цивилизационный конфликт вокруг Нагорного Карабаха выходит далеко за рамки традиционной хантингтоновской «войны на линии разлома» между двумя современными мировыми религиями и приобретает для каждой из сторон пафос вселенской борьбы между силами Добра и Зла, участвуя в которой, каждая из них видит и понимает себя орудием Добра. Причем в этом случае архетипичность ментальности армян играет куда более существенную роль в сравнении с религиозной ментальностью азербайджанцев, которые в силу традиционной «светскости» своего мировоззрения сегодня более склонны воспринимать нагорно-карабахский конфликт как межгосударственный или как межэтнический, но отнюдь не как эсхатологический, каким он воспринимается или, по крайней мере, публично демонстрируется с позиции радикального армянского политического неоязычества.

Поскольку речь зашла о глубинных архетипических стереотипах национального самосознания этносов, следует обратить внимание еще на одно принципиальное, по нашему мнению, обстоятельство: нагорно-карабахский конфликт несет на себе след исконного семито-арийского противостояния, объективно присутствующего в мировой истории еще с ветхозаветных времен завоевания ареала Ближнего Востока и Северной Африки сначала вавилонянами, а затем римлянами. Причем в настоящее время роль агрессора, в отличие от эпохи четырехтысячелетней давности, играют отнюдь не

потомки ариев, а потомки семитов. Если смотреть на современную геополитику именно с такой точки зрения, то вполне определенно можно сказать, что рубеж двух столетий – XX и XIX веков – является временем активизации пассионарности и неизбежно с ней связанной агрессии семитских народов, что наглядно проявляется в перманентных в последние годы беспорядках, создаваемых выходцами из арабских государств в странах Европы и непрекращающихся войнах по всему Ближнему Востоку. Конфликт в Нагорном Карабахе вполне логично вписывается в канву этих геополитических процессов и представляет собой не что иное, как «войну возмездия» семитов-армян против азербайджанцев-ариев, интерес армянского этноса к ведению которой постоянно поощряется (не важно, делается это сознательно или бессознательно) радикальной национальной интеллигенцией через культивирование и активное распространение среди соплеменников, рассеянных в диаспоре, религиозно-эсхатологических идей неоязычества. По крайней мере, именно так это видится с позиции православного человека. Подводя итог сказанному, можно сделать вывод, что современное армяно-азербайджанское противостояние вокруг Нагорного Карабаха, даже в его «тлеющем» виде, представляет собой яркий и наглядный пример классического столкновения двух антагонистических цивилизаций. При этом «линия разлома» между его сторонами более глубокая, а потому – еще более труднопреодолимая, чем чисто религиозная, и пролегает она сразу в пяти плоскостях – межгосударственной, межнациональной, межрелигиозной, межкультурной и межрасовой. Именно поэтому нагорно-карабахский конфликт не похож ни на одну из войн, ранее известных истории человечества.

Доминанты конфликта

Карабахская война 1991–1994 годов и последовавшая за ней «тлеющая фаза» не была межгосударственной войной, поскольку в Нагорном Карабахе против официальных вооруженных формирований и полицейских сил Азербайджана действовали отнюдь не Вооруженные силы Республики Армения, а организованная совокупность местных сепаратистов и международных террористов, в число которых входили как военнотружущие регулярных Объединенных вооруженных сил СНГ армянской национальности, так и наемники из стран Ближнего Востока, Европы и США. По сути, война в Нагорном Карабахе представляла собой интервенцию коалиционных сил армянского Интернационала, или Ай Дата, организующей силой которого выступала АРФ «Дашнакцутюн» в различных ее ипостасях и реинкарнациях, наиболее известной из которых в последней четверти XX столетия являлась пресловутая «Армянская секретная армия освобождения Армении» (ASALA, или Armenian Secret Army for the Liberation of Armenia).

Агрессия международных сил армян против народа Азербайджана в Нагорном Карабахе не являлась и колониальной войной в ее классическом или современном понимании, то есть войной за природные ресурсы или территории проживания. Военная победа в той войне не принесла армянской стороне ни новых источников сырья, ни новых рынков сбыта, не изменила вектора или баланса торгово-экономических отношений (особенно для Армении или самого Нагорного Карабаха, в экономике которых до сих пор господствуют черты феодального натурального хозяйства). Суммарные расходы армянской стороны на оккупацию Нагорного Карабаха и текущее поддержание его военной и административно-хозяйственной инфраструктуры за послед-

ние два десятилетия так и не были возмещены инвесторам, не говоря о реализации их надежды на получение прибыли или хотя бы каких-нибудь минимальных дивидендов.

Конфликт в Нагорном Карабахе не является гражданской войной или войной за самоопределение (антиколониальной войной) в традиционном ее понимании. Армянские сепаратисты Арцаха не только не стремятся к обособлению на контролируемой – освобожденной или завоеванной – территории, но и активно развивают свою политическую и экономическую экспансию вглубь Армении и в близлежащие страны традиционного проживания армянской диаспоры (в первую очередь России, Украины, Абхазии). Поэтому для армянской стороны нагорно-карабахский конфликт является составной частью военно-хозяйственной экспансии – своего рода «холодной» колониальной войны – за обретение их этносом геополитического и неразрывно с ним связанного экономического господства не только в Закавказье или в целом на Кавказе, но и во всей Передней Азии.

Победа в Нагорном Карабахе не принесла ни Армении, ни Арцаху никаких внешнеполитических, военно-стратегических или экономических выгод. Более того, международное сообщество в лице институтов ООН считает армян агрессорами, оккупантами и интервентами, что означает гипотетическую возможность применения к Арцаху в настоящем или будущем различных санкций, которых не существовало в практике международных отношений 20-летней давности, когда армяно-азербайджанское противостояние носило характер боевых действий (речь идет о возможности установления бесполетных зон над Арменией и Арцахом или введения эмбарго на поставки оружия или технологий двойного назначения). В любом случае карабахская война с позиций рационализма или пресловутого «здорового

смысла» принесла Армении и армянству больше издержек, нежели выгод; приносит сегодня и будет приносить в будущем существенные финансовые потери. Следовательно, для армянской стороны нагорно-карабахский конфликт имеет не военно-экономический, а исключительно политико-идеологический приоритет, а поэтому его можно охарактеризовать в соответствии с терминологией, предложенной Хантингтоном, как «войну идентичностей». Иными словами, она была развязана армянами в интересах армян и ради сохранения национальной идентичности армян.

Армянская идентичность

Армяне сегодня – один из немногих народов, большинство представителей которого проживает вне территории своих государственно-политических образований (мы имеем в виду Республику Армения). Иными словами, численность людей из армянской диаспоры, зачастую не связанных политическими узами гражданства со страной, которую применительно к ним принято называть «исторической родиной», по своей совокупной численности превосходит население этого государства. Несмотря на то что этнографы полагают, будто точную численность армян в мире подсчитать невозможно по причине их диаспоральной дисперсности, тем не менее с точностью до сотни тысяч человек оценить их количество все-таки можно. Думаю, не ошибусь, если скажу, что армян в мире сегодня насчитывается около 11,5 млн человек. При этом в Армении в настоящее время проживает чуть менее 3 млн армян – четверть их общего числа.

Для консолидации этноса, пребывающего преимущественно в рассеянии, необходим внешний объединяющий фактор, в качестве которого выступил именно нагорно-ка-

рабахский конфликт. Необходимо помнить те исторические условия, в которых он был развязан: во времена СССР между гражданами советской Армении и их соплеменниками из других стран стоял железный занавес, наличие которого предполагало идеологический раскол между двумя сообществами представителей этого этноса. Армяне в СССР долгие годы жили в соответствии с совершенно иными нравственными ценностями и социальными ориентирами, нежели их соплеменники в Ливане, Сирии, США или Франции. Распад Советского Союза и обретение бывшими советскими армянами вследствие этого своей национальной государственности породили необходимость их быстрой интеграции в мировое армянство, поскольку численность диаспоры традиционно превышала и превышает сегодня численность автохтонного населения суверенной Республики Армения. Армения и диаспора должны были объединиться, и побудительным мотивом для такого объединения стала вооруженная борьба за Арцах, получившая в новейшей истории наименование карабахской войны 1991–1994 годов. Постсоветская Армения с ее слабо развитой хозяйственной и социальной инфраструктурой (во многих районах РА сегодня нет даже водопровода) без Арцаха не могла бы представлять собой объекта интереса для инвесторов из всемирной армянской диаспоры в том объеме, в котором она представляет его сейчас. По сути, карабахская война стала для бывших советских армян (как ереванских, так и карабахских) своего рода пропуском в мировое армянское сообщество. Обладание Арцахом для современной Армении является главным способом (если не смыслом) относительно стабильного и финансово благополучного существования за счет инвестиций или прямых субвенций со стороны диаспоры, а поэтому нагорно-карабахский конфликт в его

перманентно «тлеющем» состоянии будет поддерживаться ею максимально долго.

Армения с точки зрения источников формирования государственного бюджета является страной-реципиентом, получателем гарантированной помощи извне. Помимо собственного валового внутреннего продукта главным источником финансового благополучия Республики Армения является регулярная спонсорская помощь системы международных неправительственных армянских организаций, консолидирующих деньги армянской диаспоры для целенаправленной подпитки своей «исторической родины». Ежегодный размер такой подпитки достигает 10 млрд долл. Иными словами, в своем нынешнем виде Армения не является самодостаточным, а поэтому стопроцентно суверенным государством, жизнеспособность ее напрямую зависит от эффективности деятельности и результатов помощи лоббистов его национально-государственных интересов из числа соплеменников, проживающих в других странах мира и являющихся их гражданами. Армяно-азербайджанский конфликт вокруг Нагорного Карабаха был бы давно урегулирован в соответствии с принципами международного права, если бы в этом была заинтересована армянская диаспора, точнее, ее финансовая элита. Ей для этого достаточно было бы прекратить на несколько месяцев финансирование нынешнего политического режима в Ереване. Но ничего подобного даже в форме намека в его адрес никогда не было сделано. Следовательно, существуют какие-то внеэкономические причины, подталкивающие ее на первый взгляд неоправданные траты.

Ответ на вопрос о том, почему вялотекущий нагорно-карабахский конфликт жизненно необходим истеблишменту армянской диаспоры, объясняет причину столь активного

и на первый взгляд безрассудного с рационалистической точки зрения сохранения и поддержания этого очага международной напряженности на Кавказе. Истеблишмент армянской диаспоры, по нашему мнению, рассматривает Нагорный Карабах (Арцах) в качестве своеобразного второго Ноева ковчега, который в самом ближайшем будущем физически спасет его в условиях приближающихся глобальных геополитических трансформаций и метаморфоз. Активная исламизация Европы и радикализация политического ислама в Передней Азии или на Балканах, свидетелями которых мы являемся в последние два десятилетия, объективно снижает спектр политического влияния и связанных с ним финансовых возможностей армянской диаспоры в традиционных для нее странах проживания – Сирии, Ливане, Франции, балканских государствах. Снижение численности коренного (титульного) населения ведущих стран Европы, увеличение среди их граждан доли иммигрантов из стран Африки и Азии (главным образом из региона Магриба), исповедующих мусульманство, агрессивное распространение на этом фоне в странах Западной Европы так называемых «либеральных ценностей», против которых активно выступают христианские традиционалисты и исламские фундаменталисты, в ближайшем будущем приведут к обострению всего спектра социальных противоречий, к росту влияния и социально-политической активности последователей «фундаменталистских» религий, к числу которых в первую очередь будут относиться православие и ислам.

Тотальная исламизация стран Западной Европы, которую нам следует ожидать уже через поколение, через каких-то 20 лет, если она произойдет по «боснийскому сценарию», то есть в радикальной форме, что еще в 1918 году Освальд Шпенглер вполне пророчески называл «закатом

Европы», приведет к неизбежному и относительно скорому выдавливанию с континента представителей двух традиционно враждебных мусульманам этнических и религиозных меньшинств – армян и евреев. Подобная участь может коснуться и европейских христиан, но им будет открыт путь исхода в Россию (возможно, при условии их субъективной публичной декларации приверженности традиционным христианским ценностям). Евреев всегда примут Израиль или США. Что же касается европейских армян, то местом их исхода могут стать опять же США и Россия, а вместе с ней и Украина, в которых сильно влияние армянской диаспоры, или «второй Ноев ковчег» – Нагорный Карабах, или Арцах. Подобное видение проблемы в целом объясняет и стратегическое по своему характеру финансирование армянской диаспорой через Республику Армения присутствия армян в Карабахе, и строительство в Ханкенди международного аэропорта, способного принимать авиалайнеры большой пассажироместимости, и неуступчивость официального Еревана на переговорах по нагорно-карабахскому урегулированию любого уровня, и появление разного рода информационных провокаций, так или иначе связанных с темой Нагорного Карабаха и армянского присутствия там. Начавшееся переселение армян из Сирии, на которых уже сегодня апробируются и отрабатываются механизмы организации массового исхода, – наглядное тому подтверждение.

Армяне и Арцах

Хантингтон писал, что «войны по линиям разломов проходят через этапы усиления, всплеска, сдерживания, временного прекращения и – изредка – разрешения. Эти процессы обычно последовательны, но часто они накла-

дываются один на другой и могут повторяться. Единожды начавшись, войны по линиям разломов, подобно другим межобщинным конфликтам, имеют тенденцию жить собственной жизнью и развиваться по образцу «действие – отклик». Идентичности, которые прежде были множественными и случайными, фокусируются и укореняются; общинные конфликты соответствующим образом получают название «войн идентичностей»⁷. По сути, он намекал на то, что «войны по линиям разломов» – а нагорно-карабахский конфликт относится именно к этой категории – никогда не прекращаются самопроизвольно, поскольку в поддержании если не самой войны, то хотя бы духа или ощущения войны каждая сторона (или одна из сторон) видит выражение своей национальной идентичности. Наиболее открыто и импульсивно процесс демонстрации своей национальной идентичности в контексте нагорно-карабахского конфликта происходит у армян: ни один армянин мира не будет признаваться своими соплеменниками армянином, если будет говорить, что Нагорный Карабах – Арцах, или второй Ноев ковчег армянства – является законной азербайджанской, а не исконной армянской территорией. И это объяснимо: в геополитических реалиях сегодняшнего дня армянам в среднесрочной перспективе ничего другого не остается делать, как верить в Арцах как в Землю обетованную.

В свою очередь, это вызывает необходимость осмыслить психологический аспект отношения армянского этноса к проблеме нагорно-карабахского конфликта. Иными словами, рассмотреть его с точки зрения этнопсихологии.

Многие российские этнографы и мемуаристы, писавшие о Кавказе, в числе первоочередных имманентных черт этнопсихологии закавказских армян указывали их почти па-

---

⁷ Хантингтон С. Ф. Столкновение цивилизаций. С. 432.

тологическую жажду материального обогащения, которая у них, правда, никогда не входила в конфликт с канонами религиозной этики, скупость до скаредности, готовность совершать любые не сопряженные с этнорелигиозным бесчестием действия, если они сулят получение любой, даже самой малой выгоды⁸. Если говорить академическим стилем, то армяне всегда и везде ставили и ставят во главу угла свой частный или своекорыстный интерес – как в отношении отдельных людей, так и в отношении окружающего социума, но только до той поры, пока речь не заходит о совершении действий или поступков, табуированных для них традиционалистскими нормами религиозной этики.

Как мы уже говорили выше, на протяжении столетий эсхатологической идеей, веками объединявшей армянский этнос, была мечта об обретении собственной национальной государственности (не важно, в форме ли возрождения теократического Древнеармянского царства либо через создание буржуазно-республиканской «Великой Армении»). Распад Советского Союза, результатом которого стало образование в том числе и независимой Республики Армения, по сути, лишил армян мира этого иррационального смысла их коллективного национально-религиозного бытия. В конце 1980-х годов армянские боевики из стран Ближнего Востока, Европы и США, пользуясь сумятицей перестроечной поры, массово приезжали в Армению, чтобы воевать за национальную идею все-таки против советских войск, а когда те в Закавказье перестали существовать, то они превратились в ударную силу армянских сепаратистов Нагорного Карабаха. Вместе с тем я отнюдь не хочу утверждать, что армяно-азербайджанский вооруженный конфликт в Нагорном Карабахе оказался «случайной» войной. Карабахская

---

⁸ См., например: *Дубровин Н.Ф.* Указ. соч. С. 405–406.

война 1991–1994 годов стала закономерным следствием естественного умирания этнорелигиозной эсхатологической идеологической доминанты об обретении вновь «Великой Армении» – умирания вследствие ее практической реализации, если хотите, продуктом коллективной рефлексии армян об этом.

Парадоксально, но факт: обрета национальную государственность, армяне, и особенно их мыслящая часть – националистически настроенная интеллигенция, практически одновременно лишились смысла социального бытия. Стало не о чем мечтать и не для чего жить. Красноречивым примером тому может служить судьба Паруйра Айриkyяна, который в 1970-х годах считался чуть ли ни персоной № 1 в армянском националистическом диссидентстве, но с уходом с исторической сцены Союза ССР, против которого он так истово и искренне боролся, превратился для большинства своих соотечественников в политического маргинала, кем, собственно, был и в советское время. Трагедия этого человека как раз заключается в том, что он, будучи вдохновлен идеей, в реальной жизни был совсем не тем, кем представлялся самому себе, а когда все выяснилось, не смог принять этого. Республика Армения, в одночасье превратившаяся из прекрасной мечты в суровую реальность, породила в умах тех, кто долгие годы жил этой мечтой, интеллектуальный и эмоциональный вакуум. Утрата, говоря языком психологической науки, доминирующей констелляции, или побудительного мотива к деятельности, породила фрустрацию, избавиться от которой могло лишь появление принципиально новой эсхатологической идеи. Ею-то как раз и стала для армян война за Нагорный Карабах, которая предвкушалась ими как триумф после триумфа.

Несмотря на явный военно-технический успех этой кампании, армяне потерпели в ней сокрушительное психологическое поражение, и их наиболее трезвомыслящая часть прекрасно осознает это. На смену созидающей, а поэтому позитивной в своей основе коллективистской идее обретения идеала «Великой Армении» пришла негативная и поэтому бесперспективная идея оборонительной войны на карабахском фронте, а по сути – тоскливая и бесперспективная идея выживания в экстремальных условиях, созданных для себя своими же руками; ситуации, в которой человек сталкивается с обстоятельствами судьбы уже один на один. Она пока сообщает некий смысл жизни ее творцам – армянам среднего и старшего поколения, но абсолютно не воспринимается их детьми и внуками, о чем со всей определенностью говорит содержание контактов молодых армян в социальных сетях.

Нет, молодые армяне в основной своей массе, подобно своим отцам и дедам, являются ревностными националистами, которые даже более истово, чем их предки, делят мир на «своих» и «чужих», буквально упиваясь тем, что армяне теперь живут не только в Передней Азии, Европе или Северной Америке, но уже и в Австралии, Океании, странах Центральной Африки и даже в абсолютно чуждых им по национальному менталитету Японии и Китае. А значит это только одно: современным молодым армянам абсолютно неинтересна их «историческая родина», центром притяжения их субъективного интереса и воплощением мечты стала диаспора. Они больше не связывают субъективные жизненные перспективы с Арменией, ее идеал не привлекает их, молодые умы изучают варианты и возможности ухода в диаспору, их душой уже овладел Агасфер. Маятник исторического процесса начал свое движение в противоположную

сторону – армяне устремились в диаспоральное рассеяние, прочь от идеала «Великой Армении», их новейшая дисперсия началась, следствием чего станет достаточно скорое и неизбежное ослабление нынешней Республики Армения. Это произойдет не через год и не через два, но обязательно в среднесрочной перспективе, в ближайшее десятилетие, после чего экономика и политика этой страны окончательно впадут в состоянии стагфляции – перманентного застоя, сопряженного с падением ранее достигнутого уровня и постепенной утратой былых ценностей.

Армения же, а тем более Карабах, останутся в этом случае для них все тем же далеким нравственным идеалом, который они легко и без угрызений совести променяли на материальный достаток в кварталах своих соплеменников где-нибудь в лос-анджелесских Глендейле или Голливуде, Монтебелло или Бурбанке, канадском Торонто или Монреале, не говоря уж про Юг России, Москву и Санкт-Петербург. Естественно, армянская диаспора, как и прежде, будет собирать деньги на содержание своих соплеменников в Армении и Нагорном Карабахе, часто используя для этого государственные или муниципальные бюджеты стран и областей своего проживания (например, французский департамент О-де-Сен, президентом Главного совета которого является этнический армянин Патрик Деведжян, начиная с 2008 года ежегодно за счет средств французских налогоплательщиков спонсирует развитие коммунальной инфраструктуры в сельской местности Армении). Но это будут своего рода отступные, плата за возможность называть себя армянином, пользоваться сопряженными с этим благами, но не быть при этом гражданином Республики Армения и не проживать на ее территории или в Нагорном Карабахе.

В условиях современной глобализации религиозно-мистическая идея «Великой Армении» уже перестала быть идеологической основой существования армянского этноса в целом и превратилась в идеологию своеобразного закрытого элитарного клуба для тех, кто, обладая властью и деньгами, готов в деловом общении с себе подобными и далее преумножать их, рассуждая при этом на принятые в обществе избранных темы и платя членские взносы. Для существования подобной структуры организованных по этнорелигиозному признаку социально-деловых коммуникаций конфликт в Нагорном Карабахе является обязательным условием. Известно, ничто так не сближает людей, как чувство социальной сопричастности и коллективной ответственности, которое в среде армян вырабатывалось веками практикой уплаты джизьи. Власть исламских, затем российских и советских (для ереванских и карабахских армян) правителей прошла, а практика сбора и распределения средств на общенациональные нужды осталась. Столетия жизни этноса доказали рациональность и жизнеспособность такой традиции, а поэтому отказываться от нее нет оснований. Отчисления на общенациональные нужды подобны балласту, который придает кораблю армян нужную остойчивость в море мировых неурядиц, невзгод и войн. Остается только определить, ради какой цели они собираются?

Деньги армянской диаспоры не могут идти на содержание армян, проживающих в Армении, которые в результате этого превращаются в нахлебников своих иностранных соплеменников. Позволить себе кормить граждан Армении армяне диаспоры не могут, поскольку это претит их имманентному чувству скарденности и своекорыстного интереса. Другое дело – отдать деньги в пользу соплеменников, терпящих нужду по причине войны. В этом смысле нагорно-ка-

рабахский конфликт – это своего рода психологический компромисс для армян между чувствами частного и общественного интересов. Для них он объективно необходим, чтобы не менять сложившихся за столетия правил и форм организации общественных отношений в их этнорелигиозной среде. Конфликт в Нагорном Карабахе позволяет армянам мира по-прежнему сознавать себя армянами, при этом ничего кардинально не меняя в привычном образе жизни и стереотипе мыслей. Такую же функцию для мирового еврейства выполняет ближневосточный конфликт. Оба этих конфликта позволяют преимущественно диаспоральным народам – армянам и евреям – сохранять и поддерживать внутри своих корпораций чувства национально-религиозного единства и сопричастности, без которых их этнорелигиозное самосознание превратилось бы в прах.

Поэтому когда речь заходит о судьбе карабахских армян, составляющих всего два процента от общей численности мировой армянской диаспоры, следует понимать, что речь идет не о них, а о способе существования армянства в его нынешней форме вообще. Следует понимать, что сегодняшняя Республика Армения – это не центр и даже не точка притяжения армянской диаспоры. Мы уже сравнивали ее с кораблем, и если дальше использовать кораблестроительные термины, то Армения для диаспоры – это балласт, который специально грузят на борт, чтобы придать судну мореходные качества, расчетную осадку и остойчивость, а Карабах, или Арцах, – это кингстон, посредством которого осуществляется взаимосвязь подводной части судна с забортной средой. Иными словами, если организация или человек говорит о Карабахе, подразумевая Арцах, то он считается «другом армян» и может претендовать на их помощь и поддержку; если же он публично высказывает какую-либо

иную точку зрения на этот вопрос, его подвергают обструкции и гонениям подобным тем, которым подвергались сами армяне в исламском мире.

Азербайджанская идентичность

Мы достаточно долго говорили о позиции армянской стороны нагорно-карабахского конфликта, обсуждая истоки, побудительные мотивы ее действий, прогнозируя возможные варианты развития событий. В связи с этим возникает вопрос о нашем видении позиции азербайджанской стороны, без ответа на который все сказанное выше не будет отличаться честностью и целостностью.

Карабахская война 1991–1994 годов, безусловно, оказала определяющее влияние на процесс самоидентификации или формирование идентичности (по С.Ф.Хантингтону) современного азербайджанского этноса, следствием чего стало его превращение в полноценную государствообразующую нацию. Однако вместе с тем мы должны сказать, что вектор этого процесса в Азербайджане по своей направленности был отличен от того, который присутствовал в идеологии армян, а также большинства иных народов, обретших в 1990-х годах свою национально-государственную независимость (среди них можно назвать все народы бывшей Югославии, Словакии, Эритреи, стран Центральной Азии, отчасти Судана). В большинстве этих стран (бывшей Югославии, Эритрее, Судане), а также в нагорно-карабахском конфликте с армянской стороны, «войны по линии разломов» стали следствием и зачастую главным результатом национально-религиозной поляризации участвовавших в ней этносов. В Азербайджане же война в Нагорном Карабахе оказала на массовое общественное сознание несколько иное

влияние: благодаря ей страна и ее народ обрели национально-государственную идентичность, осознав себя отнюдь не закавказскими мусульманами (как того хотелось бы армянским оппонентам), а именно нацией, сознательно и последовательно формирующей единое полиэтничное государство.

Не вызывает сомнения тот факт, что выбор азербайджанцами как этносом данного вектора институализации своей идентичности был не обусловлен влиянием внешних факторов, сопряженных с войной, а предопределен содержанием и ходом процесса этногенеза азербайджанской нации сначала в составе Российской империи, а затем – Советского Союза, отличительной чертой которого являлась секулярность. Наиболее ярко ее влияние в исторической судьбе азербайджанского народа проявилось в кратковременный (с цивилизационной точки зрения) период существования Азербайджанской Демократической республики 1918–1920 годов, доказавшей возможность и ставшей первым примером светской государственности в исламской ойкумене. Для азербайджанского этноса (в его современном государственно-политическом понимании, традиционно локализованном с географической точки зрения в треугольнике Каспийского моря, Аракса и Большого Кавказского хребта), ислам являлся фактором политической идентичности только в отношении северных и восточных соседей, во внутренней жизни народа он имел более традиционалистский (фоновый), а не идеологический (системообразующий) характер, и именно поэтому процесс собственной самоидентификации азербайджанцев имел глубоко секулярный национально-государственный, а не этнорелигиозный характер.

К слову, Самюэль Хантингтон так и не понял этой – секулярной – особенности идентичности азербайджанского этноса Новейшего времени или не захотел заметить ее, так

как она не укладывалась в рамки его концепции «столкновения цивилизаций» в виде «войн по линиям разломов», среди причин которых он отводил определяющую роль религиозному фактору. Вместе с тем нельзя не отметить, что он вполне справедливо указал на этот фактор как на основную движущую силу армянского сепаратизма в Нагорном Карабахе, заметив при этом, что «местные группировки» армян Нагорного Карабаха «являются, в лучшем случае, государствами в зачаточном состоянии»⁹. Это замечание Хантингтона вольно или невольно дает ответ на вопрос о том, почему именно неоязычество явилось для нынешних армян Нагорного Карабаха основой их национально-религиозной идентичности: социум, находящийся на родоплеменной стадии своего социального развития, увы, объективно не может воспринять нравственные ценности любой мировой монотеистической религии, будь то христианство, ислам или иудаизм.

Хочет это признавать официальный Баку или нет, но именно карабахская война 1991–1994 годов превратила азербайджанский этнос в нацию. Армянский сепаратизм в Карабахе в самом начале 1990-х годов спровоцировал центробежные тенденции и в иных областях страны, что привело к появлению сепаратистских настроений в районах традиционного проживания лезгин или аварцев и даже к самопровозглашению на юге Талыш-Муганской автономии, причем подобный местечковый сепаратизм отчасти подпитывался традиционными шиитско-суннитскими внутриисламскими противоречиями. В конкретно-исторических условиях того времени для полиэтничного Азербайджана не могло быть и речи о какой-либо единой национально-религиозной идентичности, поэтому, исходя из коллективистско-

---

⁹ Хантингтон С. Ф. Столкновение цивилизаций. С. 444

го чувства национально-государственного самосохранения, общество взяло курс на обретение гражданско-политической идентичности и единства. В этом смысле жители Азербайджана проявили и показали себя в первую очередь этатистами, а уже затем – секулярными националистами и только в самом конце – мусульманами. Поэтому нагорно-карабахский конфликт не соответствует в полной мере концепции Хантингтона о «столкновении цивилизаций» как о межобщинном и межконфессиональном противостоянии. В нагорно-карабахском конфликте главная линия разлома пролегла между стремлением граждан Азербайджана к сохранению суверенной государственности и стремлением армян к ее разрушению. Раскол произошел по линии размежевания идей государственности и идей анархии, идей цивилизации и идей варварства, в столкновении между которыми тактически выигрывает варварство, но конечная победа остается все-таки за цивилизацией. А поэтому конфликт в Нагорном Карабахе, по сути, для теории С.Ф.Хантингтона является тем самым обязательным исключением, которое подтверждает правило.

Вполне очевидно, что нагорно-карабахский конфликт был навязан Азербайджану извне, со стороны армянского Интернационала, или Ай Дата. Поэтому он был поставлен обстоятельствами в изначально невыгодное положение и все время находился в положении «догоняющего» или «обороняющегося», лишь отвечая на атаки и выпады армянской стороны. Азербайджан в этом конфликте никогда не имел стратегической инициативы, не смог обрести ее и после прекращения активной фазы боевых действий. По нашему мнению, главной причиной этого стал рационалистический подход официального Баку к формам и способам урегулирования последствий конфликта, исходя из принципов и норм

международного права и практики дипломатических отношений. Однако используемые им традиционные инструменты и предъявляемые к оппонентам законные требования по соблюдению территориальной целостности государства не получили достаточной поддержки инструментами силы или принуждения, которые международное сообщество так и не решилось применить в отношении армян Нагорного Карабаха и Армении.

Указанные нами доминантные черты азербайджанской национальной идентичности – этатизм и секулярность – позволяют говорить о том, что после возвращения земель Нагорного Карабаха в государственное лоно Азербайджана не случится их непроизвольной идиосинкразии, то есть отторжения от социального организма страны после стольких десятилетий оккупации. Нация, сумевшая в военное время преодолеть внутренний социально-политический раскол, способна преодолеть и последствия навязанного извне территориального раскола. В отличие от властей Арцаха, Армении и истеблишмента армянской диаспоры официальный Баку точно знает, что он будет делать с возвращенными в состав Азербайджана территориями Нагорного Карабаха и прилежащих к нему оккупированных районов, о чем свидетельствует наличие сформулированных и всесторонне обоснованных планов реинтеграции этих земель в состав страны, которые представляются вполне реализуемыми при наличии у азербайджанского руководства политической воли и достаточных материальных ресурсов¹⁰. И первое, и второе у него, похоже, имеется в достаточном количестве.

---

¹⁰ См.: *Музаффарли Н., Исмаилов Э.* Концептуальные основы восстановления постконфликтных территорий Азербайджана. Баку: Кавказ, 2010; *Muzaffarly N., Ismailov E.* Basic Principles for the Rehabilitation of Azerbaijan Post-Conflict Territories. Stockholm: CA&CC Press, 2010.

Анализ содержания указанных планов позволяет говорить о том, что реинтеграция области нагорно-карабахского конфликта в государственную и общественную жизнь страны будет происходить отнюдь не на тех политических принципах, которые официальный Баку иногда позволяет себе декларировать в целях создания благоприятного, с позиций либерализма, имиджа на международной арене. После возвращения земель Нагорного Карабаха их экономическое, социальное, административное и гуманитарное обустройство будет происходить опять же на принципах этатизма и секулярности, что исключит в будущем для армянского этнического меньшинства любую возможность какой бы то ни было автономии, даже национально-культурной. Впрочем, такую модель развития событий вряд ли можно будет считать антиармянской, поскольку она в полной мере соответствует нынешнему характеру политического режима Азербайджана, который на все 100% сформировался в условиях и под влиянием последствий Карабахской войны 1991–1994 годов, сегодня толерантно называемой нагорно-карабахским конфликтом.

Перспективы нагорно-карабахского урегулирования

Любое затягивание конфликта ведет к поляризации идентичности сторон и эскалации противоречий. С.Хантингтон писал об этом: «По мере нарастания насилия, поставленные на карту первоначальные проблемы обычно подвергаются переоценке исключительно в терминах «мы» против «них», группа сплавивается все сильнее и убеждения крепнут. Политические лидеры активизируют призывы к этнической и религиозной лояльности, и цивилизации

онное самосознание укрепляется по отношению к другим идентичностям. Возникает «динамика ненависти», сравнимая с «дилеммой безопасности» в международных отношениях, в которой взаимные опасения, недоверие и ненависть подпитывают друг друга. Каждая сторона, сгущая краски, драматизирует и преувеличивает различие между силами добра и зла и в конечном счете пытается превратить это различие в основополагающее различие между живыми и мертвыми»¹¹. От себя добавим, что в конечном счете линия фронта любой затяжной войны неизбежно превращается в границу, которая затем переносится на политическую карту мира (примером этого может служить государственно-политическое разделение Корейского полуострова по 38-й параллели на Север и Юг, начало которому было положено еще в 1895 г.).

Резюмируя сказанное, мы с полным основанием можем сделать вывод, что нагорно-карабахский конфликт в его нынешнем виде и состоянии нужен исключительно армянам и никому более. Карабах для них, в отличие от азербайджанцев, – это не территория (они там не живут) и не источник материальных благ (в эту область спонсируются деньги без надежды на их возвращение). Карабах, а точнее Арцах, для них – это очередная реинкарнация метафизической легенды о «Великой Армении», копия с несуществующего оригинала, она же – симулякр, новый семиотический знак, позволяющий разделить изменившийся в последние десятилетия мир на сторонников и противников, но на этот раз уже не Армении, а Арцаха. Не будет Арцаха – не будет Армении, не будет Армении – не будет армянской диаспоры в ее нынешнем виде. Этот факт нужно понимать предельно четко и откровенно. Из этого может быть сделан только один вы-

---

¹¹ Хантингтон С.Ф. Столкновение цивилизаций. С. 432–433.

вод: какие бы усилия не прикладывал Азербайджан, какие бы действия не предпринимали международные посредники из Минской группы ОБСЕ по мирному урегулированию нагорно-карабахского конфликта, его возвращение в состояние *status ante bellum* принципиально невозможно. И для армян, и для азербайджанцев решение этой территориальной и военно-политической проблемы возможно только в формате «или все, или ничего». Как говорили древние латиняне, *tertium non datur* – третьего не дано. И чем дольше будет длиться режим оккупации армянской стороной Нагорного Карабаха, тем меньше шансов будет у официального Баку вернуть его под свою не только фактическую, но и формальную юрисдикцию исключительно мирными средствами. Известные истории способы «относительно мягкого» решения подобных геополитических проблем, примерами которых могут являться мандаты Лиги Наций или аншлюс, в отношении Нагорного Карабаха не будут иметь достаточной эффективности и легитимности...

Мы уже писали о том, что цивилизационная линия разлома между враждующими сторонами в этом локальном конфликте в современных планетарных масштабах самая глубокая и имеющая самые острые края. Именно таким может быть тупик гуманитарного развития человечества.

CA&CC Press® AB
Hubertusstigen 9
97455 Luleå
Sweden
<http://www.ca-c.org>